

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ
ГРИБОѢДОВЪ.

(1795—1829)

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

Кн. Д. Т. Эристовъ.

Продается въ пользу стипендіи Грибоѣдова.

ТИФЛИСЪ

ТИПОГРАФІЯ С. МЕЛИКОВА, ГАНОВСКЪ, УЛ. № 18.

1879.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ЧИТАНО ВЪ „ТИФЛИССКОМЪ КРУЖКѢ“ 28-го
ЯНВАРЯ 1879 г.).

I

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 4-го января 1795 года. Родъ Грибоѣдовыхъ — нынѣ совсѣмъ пресѣкшійся — принадлежалъ въ числу древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Россіи. Отецъ поэта, Сергѣй Ивановичъ, былъ женатъ также на Грибоѣдовой, Настасіи Θεодоровнѣ, женщинѣ весьма умной, энергичной, державшей домъ подъ своею деспотическою властію, при чемъ мужъ совсѣмъ ступшевывался передъ нею. Домъ, въ которомъ жило семейство Грибоѣдовыхъ въ Москвѣ,

821.161.1 (032) გიორგი

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 27 января
1879 года.

2
1
352
♀
T

საქართველოს პარლამენტის
ინფორმაციული ცენტრი

въ предмѣстїи Подъ-Новинскомъ, сохранился и по нынѣ въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ находился въ концѣ прошлаго столѣтїя. Грибоѣдовы жили на широкую ногу. У нихъ собиралась почти вся знать Москвы: князь, Одоевскіе, Нарышкины, Римскіе-Корсаковы. Разумовскіе были съ ними въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ. То былъ особый барскій міръ, описаніе котораго вложено въ уста Фамусова; то были баре, которые «ѣдали на серебрѣ и золотѣ», «ѣзжали вѣчно цугомъ», служили когда-то при дворѣ Екатерины Великой; у нихъ были свои традиціи, свои особые нравы и обычаи. Вотъ въ кругу этого барства и прошло дѣтство Александра Сергѣевича. Не смотря на такую свѣтскую жизнь, мать Грибоѣдова позаботилась дать сыну блестящее, можно сказать, чисто научное образованіе. Его наставниками были: извѣстный энциклопедистъ *Петрозилиусъ* и докторъ правъ *Гонъ*. Пятнад-

цати лѣтъ Грибоѣдовъ поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ, при чемъ заботливая мать, боясь чтобы сынъ не увлекся «завиральными идеями», послала его въ университетъ въ сопровожденіи гувернера, и сама выбрала ему «этико-политическій» факультетъ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшій будущей каррьерѣ сына. Въ тѣ времена въ Московскомъ университетѣ были другіе нравы... Дома профессоры были открыты студентамъ; было полное общеніе между учащими и учащимися. Между профессорами находились лица, составившія себѣ громкое имя на западѣ, какъ напр. *Буле*, *Геймъ*, *Рейнгардтъ*, *Шлецеръ* (сынъ) и друг. Буле давалъ даже частные уроки Грибоѣдову на дому, занимаясь съ нимъ «разными отраслями наукъ умозрительныхъ». Профессоръ Страховъ, во время зимнихъ вакацій, режиссировалъ спектаклями студентовъ... Вотъ тутъ-то, вѣроятно, и зародилась въ Грибоѣдовѣ любовь къ сценѣ.

Черезъ два года (1812 г.) Грибоѣдовъ сдалъ экзаменъ въ университетѣ и былъ удостоенъ степени кандидата правъ. Началась война, и Грибоѣдовъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ великимъ событіямъ этой исторической эпохи. Не смотря на свое «этико-политическое» образованіе, Александръ Сергѣевичъ поступилъ въ московскій гусарскій полкъ, формировавшійся графомъ Салтыковымъ. Но полкъ этотъ, по всей вѣроятности за смертью Салтыкова, не принялъ никакого участія въ войнѣ. Разъ вырвавшись изъ тисковъ домашней обстановки, Грибоѣдовъ хотѣлъ немного свободно подышать и отдать дань своимъ молодымъ годамъ, и вотъ онъ прикомандировывается къ иркутскому гусарскому полку, входившему въ составъ резервнаго кавалерійскаго корпуса. Полкъ этотъ стоялъ тогда въ Брестъ-Литовскѣ. Здѣсь мы видимъ Грибоѣдова, увлеченнаго тогдашнею военною жизнію. Попойки, жар-

тежная игра, буйства всякаго рода составляли, какъ извѣстно, любимыя и почти единственныя развлеченія военнаго люда. Изъ крупныхъ шалостей Грибоѣдова этой эпохи можемъ отмѣтить слѣдующіе два эпизода. Разъ онъ вѣхалъ на блестящій балъ верхомъ въ залу. Въ другой разъ, зашедши въ костель, онъ согналъ органиста, и началъ импровизировать блестящую ораторію. Когда толпа была наэлектризована его чудными звуками, вдругъ онъ... перешелъ на *камаринскую*. До чего онъ увлекается военною жизнью видно изъ того, что онъ какъ-бы оставляетъ въ сторонѣ свою страсть къ театру, развившуюся, какъ мы замѣтили выше, еще во время студенчества, и пишетъ статью въ *Вѣстникъ Европы* «О кавалерійскихъ резервахъ». Къ счастью онъ встрѣчается здѣсь съ своимъ близкимъ другомъ Бѣгичевымъ, человѣкомъ весьма серьезнымъ и имѣвшимъ большое вліяніе

на Грибоѣдова. Бѣгичевъ старается воскресить въ своемъ другѣ прежнія идеалы, въ чемъ и успѣваетъ, Грибоѣдовъ видитъ всю пустоту своей безцѣльной жизни; кстати тутъ-же знакомится съ знаменитымъ кн. Шаховскимъ и любовь къ сценѣ опять воскресаетъ въ немъ. Прежняя разгульная жизнь брошена, и мы видимъ Грибоѣдова, запершагося въ своей квартирѣ и занимающагося переводомъ пьесы «Le secrêt du ménage», озаглавленной имъ «Молодые супруги». Окончивъ комедію, онъ бросаетъ военную службу, въ которой прослужилъ четыре года, и ѣдетъ въ Петербургъ (1815 г.).

II

Начало нынѣшняго столѣтія было золотымъ вѣкомъ русскаго театра. Блестящая плеяда такихъ дѣятелей, какъ Шаховской, Озеровъ, Катенинъ и т. п. неутомимо работали для сцены. Вспомнимъ, съ какимъ увлеченіемъ списываетъ эту пору безсмертный *Пушкинъ* въ своемъ «Онѣгинѣ»! Въ столицѣ, какъ бы въ контрасть провинціи, мы видимъ тогдашнюю военную молодежь занимающуюся литературой. Гр. Потемкинъ, Маринъ, Семеновъ, Барковъ, Катенинъ—были представители тогдашней блестящей гвардіи. Грибоѣдовъ попалъ въ кружокъ этихъ писателей. Особенно близко сошелся онъ тогда съ извѣстнымъ *Фаддѣемъ Бумаринимъ* и *Гречемъ*. Какъ мы сказали выше, блестя-

ще образованный, владѣя въ совершенствѣ языками: нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, италянскимъ, и будучи отличнымъ музыкантомъ, онъ не могъ ударить лицомъ въ грязь передъ своими сверстниками. Мы должны замѣтить, что Грибоѣдовъ съ дѣтства пристрастился къ музыкѣ. Онъ отлично игралъ на фортепiano, еще лучше импровизировалъ и хорошо зналъ теорію музыки, занимаясь въ Петербургѣ у тогдашняго извѣстнаго профессора Іоанна Миллера.

Вотъ какъ описываетъ Грибоѣдова Бестюжевъ-Рюминъ (Марлинскій): «... кровь сердца всегда говорила въ немъ въ лицѣ; никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, не смотря на знатность особы, показала бы инымъ катоновъ»

ской суровостью, даже дерзостью». Не смотря на свой меланхолическій характеръ и нервную раздражительность, развившуюся, вѣроятно, вслѣдствіе не особенно отрадной домашней обстановки, онъ былъ любимъ въ этомъ кругу.

Вращаясь среди театраловъ, онъ съ особымъ увлеченіемъ занялся сценой. Его комедія «*Молодые Супруги*» была поставлена на сцену 29 сентября 1815 года, въ бенефисъ Семеновой и имѣла достаточный успѣхъ. Послѣ этого онъ написалъ при сотрудничествѣ Шаховскаго, Жандра и Хмѣльницкаго нѣсколько пьесъ: «*Своя семья*», «*Притворная невѣрность*» (переводъ) и «*Студентъ*».

Въ концѣ концовъ вся эта театроманія разыгралась для Грибоѣдова весьма печальнымъ эпизодомъ, имѣвшимъ вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Дѣло въ томъ, что Грибоѣдовъ жилъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ

графомъ *Завадовскимъ*, *) который уха-живалъ за танцовщицей *Истоминой*. Разъ както Грибоѣдовъ попросилъ ее послѣ спектакля къ себѣ на чай. Истомина согласилась, но, боясь своего обожателя кавалергарда *Василія Шереметева*, не рѣшилась прямо изъ театра ѣхать къ Грибоѣдову, и попросила его ждать у Гостиннаго двора, куда она должна была пріѣхать въ казенной каретѣ. Дѣйствительно Истомина сдержала слово: она подъѣхала къ Гостинному двору, пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему на квартиру. Между тѣмъ Шереметевъ слѣдилъ изъ за угла и видѣлъ какъ сани подъѣхали къ квартирѣ *Завадовскаго*. Извѣстный тогдашній бретеръ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ)

*) Кстати добавимъ, что Грибоѣдовъ описалъ его въ „Горе отъ ума“ въ лицѣ князя Григорія:
...князь Григорій!

Чудакъ единственный, насъ со смѣху морить,
Вѣкъ съ анличанами, вся англійская складка,
И такъ же онъ сквозь зубы говорить,
И такъ же коротко остриженъ для порядка.

вмѣшался въ дѣло и посовѣтовалъ Шереметеву вызвать Грибоѣдова на дуэль, а самъ предложилъ стрѣляться съ Завадовскимъ. Получивъ вызовъ, Грибоѣдовъ согласился на дуэль съ маленькимъ измѣненіемъ въ условіяхъ, чтобъ Шереметевъ дрался съ Завадовскимъ, а самъ онъ будетъ драться съ секундантомъ, т. е. съ Якубовичемъ. Условія были приняты, дуэль состоялась и Шереметевъ былъ убитъ. Вся эта исторія могла очень печально окончиться, но отецъ Шереметева просилъ Государя не наказывать Завадовскаго и потому все ограничилось тѣмъ, что Завадовскаго выслали за границу, а Якубовича изъ лейбъ-улановъ перевели на Кавказъ въ драгунскій полкъ. Дуэль Якубовича съ Грибоѣдовымъ была отсрочена до болѣе благопріятнаго времени.

Вся эта исторія произвела на Грибоѣдова потрясающее впечатлѣніе, предсмертныя судороги Шереметева

стояли у него передъ глазами; какъ
 отъ кошмара, не могъ онъ освобо-
 диться отъ этой тяжелой картины.
 Ему нужно было вырваться изъ этой
 жизни, чтобъ ничто не напоминало о
 ней. Случай какъ разъ представился.
 Повѣренный Россіи въ дѣлахъ Персіи
Мазаровичъ предложилъ ему ѣхать въ
 Персію. Грибоѣдовъ не колеблясь со-
 ласился на это предложеніе.

III

Торопясь въ Персію, Грибоѣдовъ не на долго остановился въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Якубовича, и отложенная дуэль состоялась. Какъ ни непонятно это теперь для насъ, но тогдашнія понятія о чести оправдывали и даже узаконяли ту странность, что люди, не питавшіе взаимно никакой ненависти, и даже неимѣвшіе никакой причины, дрались другъ съ другомъ на смерть. Первымъ стрѣлялъ Грибоѣдовъ, но далъ промахъ. Якубовичъ легко ранилъ его въ руку, вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ, что въ послѣдствіи нѣсколько мѣшало ему играть на фортепіано. Несмотря на укоренившійся обычай дуэ-

лей, такія столкновенія всегда имѣли болѣе или менѣе серьезныя послѣдствія. Вѣсть о дуэли Грибоѣдова съ Якубовичемъ не дошла оффиціально до властей, вслѣдствіе ея благопріятнаго исхода; но все таки А. П. Ермоловъ долго сердился на дуэлистовъ.

Грибоѣдовъ пробылъ въ Тавризѣ безотлучно три года. Здѣсь онъ сталъ заниматься персидскимъ языкомъ, и могъ впослѣдствіи довольно легко объясняться на немъ. Нельзя сказать, чтобъ Персія на него произвела хорошее впечатлѣніе; онъ постоянно скучалъ по родинѣ. Онъ грезилъ о Москвѣ, о друзьяхъ, о знакомыхъ. Среди этихъ грезъ, разъ онъ заснулъ въ садовой бесѣдкѣ. Ему снилось, что онъ находится въ кругу своихъ друзей въ Москвѣ, и читаетъ имъ свою комедію. Проснувшись, онъ взялся за карандашъ и начерталъ планъ этой комедіи и первыя ея сцены. Комедія эта была „Горе отъ ума“. Наконецъ

Грибоѣдову надоѣло жить въ Персіи, и по его просьбѣ, онъ былъ переведенъ въ Тифлисъ чиновникомъ по дипломатической части, при А. П. Ермоловѣ.

Въ Тифлисѣ на этотъ разъ онъ оставался болѣе года. Для любопытствующихъ, мы можемъ указать на домъ, въ которомъ онъ жилъ. Домъ этотъ и понынѣ сохранился, впрочемъ, почти полуразрушеннымъ; онъ находится на Экзаршеской площади, возлѣ дома кн. Александра Вахтанговича Орбеліани. Здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, онъ отдѣлалъ свое „Горе отъ ума“. Жизнь его въ нашемъ городѣ была самая скромная; онъ большей частью оставался дома, одѣтый въ туземный арха-лухъ, и занимался кромѣ своей комедіи музыкой, купивъ фортепіано у командира эриванскаго полка Муравьева, впоследствии намѣстника кавказскаго. Это было второе фортепіано въ Тифлисѣ; одно находилось у князя Але-

ксандра Чавчавадзе. Между прочимъ онъ и здѣсь даже не оставлялъ занятій персидскимъ языкомъ; за неимѣніемъ хорошаго руководителя, Грибоѣдовъ долженъ былъ заниматься съ извѣстнымъ цѣлому Тифлису банщикомъ Машади, котораго русскіе прозвали Иваномъ Иванычемъ.

Грибоѣдовъ былъ принятъ, какъ другъ дома, во всѣхъ знатныхъ домахъ города. Чаше всего онъ посѣщаль генеральшу Ахвердову, урожденную Арсеньеву, женщину весьма умную и хорошо образованную. У ней же воспитывалась и будущая его жена, княжна Нина Александровна Чавчавадзе, съ которою Грибоѣдовъ и познакомился впервые въ этомъ домѣ.

Послѣ четырехлѣтней разлуки съ родиной, Грибоѣдовъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ читалъ нѣсколькимъ близкимъ друзьямъ свою комедію; одни остались довольны ею, другіе осуждали его произведеніе. Меж-

ду недовольными былъ и Бѣгичевъ, мнѣніемъ котораго Грибоѣдовъ болѣе всего дорожилъ. Бѣгичевъ прямо высказалъ мнѣніе, что ему не нравится первый актъ комедіи. Грибоѣдовъ лично не возражалъ; но на другой день, когда Бѣгичевъ посѣтилъ его, то засталъ его бросающимъ листы рукописи въ печку. На удивленіе Бѣгичева Грибоѣдовъ отвѣтилъ, что объ этомъ не стоитъ беспокоиться, ибо у него первый актъ уже готовъ въ головѣ. Черезъ недѣлю, дѣйствительно, первый актъ былъ заново написанъ. Какъ мы выше замѣтили, Грибоѣдовъ читалъ „Горе отъ ума“ только своимъ близкимъ друзьямъ. Онъ былъ очень скромнъ; не любилъ никогда говорить о своихъ сочиненіяхъ. Насъ даже увѣряли, что здѣсь, на Кавказѣ, между своими родственниками, онъ никогда не говорилъ о „Горе отъ ума“. Комедія распространилась въ Москвѣ совершенно случайно. Разъ

T 2.352
2

въ сестрѣ Грибоѣдова, г-жѣ *Дурново*, зашелъ графъ Вѣльегорскій и нашель рукопись комедіи на фортепяно. Случайно взявъ въ руки комедію, онъ заинтересовался ею, началъ читать и пришелъ отъ нея въ восторгъ. Онъ попросилъ позволенія списать ее,—и комедія мигомъ распространилась по всей Москвѣ.

Возвратившись въ началѣ 1826 г. на Кавказъ, Грибоѣдовъ сопровождалъ Ермолова при его разѣздахъ по линіи. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ Екатеринодарской станицѣ, пріѣхалъ курьеръ къ Ермолову, съ Высочайшимъ приказаньемъ немедленно арестовать и выслать Грибоѣдова, по поводу участія его въ декабрьскихъ событіяхъ 24 года. Въ Ермоловѣ, въ этомъ старомъ кавказскомъ героѣ, взросшемъ на военной дисциплинѣ и посѣдѣвшемъ на поляхъ битвы, любовь къ человеку пересилила долгъ повиновенія. Ермоловъ любилъ Грибоѣдова, какъ

родного сына: онъ не выдержалъ, и, предупредивъ Грибоѣдова объ его участи, далъ часъ времени на уничтоженіе бумагъ, могущихъ скомпрометировать его. Вотъ, между прочимъ, что писалъ Ермоловъ барону Дибичу:

„Военный министръ сообщилъ мнѣ Высочайшую Государя Императора волю—взять подъ арестъ служащаго при мнѣ коллежскаго ассесора Грибоѣдова и подъ присмотромъ прислать въ С.-Петербургъ, прямо къ Его Императорскому Величеству.

„Исполнивъ сіе, я имѣю честь препроводить Грибоѣдова къ вашему превосходительству. Онъ взятъ такимъ образомъ, что не могъ истребить находившихся у него бумагъ, но таковыхъ при немъ не найдено, кромѣ весьма немногихъ, кои при семъ препровождаются. Если-же бы впоследствии могли быть отысканы оныя, я всѣ таковыя доставлю.

„Въ заключеніе имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что Грибоѣдовъ во время служенія его въ миссіи нашей при персидскомъ дворѣ, и потомъ при мнѣ, какъ въ нравственности своей, такъ и въ правилахъ, не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣеть многія весьма хорошія качества“.

Грибоѣдова немедленно отправили съ курьеромъ въ Петербургъ. Во всю дорогу онъ былъ очень веселъ, смѣялся, шутилъ, вслѣдствіе увѣренности къ своей неприкосновенности къ этимъ событіямъ. Въ Москвѣ онъ упросилъ курьера остановиться немного, чтобъ повидаться съ матерью. Курьеръ позволилъ и въ продолженіи 10 часовъ Грибоѣдовъ успѣлъ повидаться съ родными и близкими друзьями. Мать, какъ нужно было ожидать, встрѣтила его весьма непривѣтливо; осыпала его цѣлымъ потокомъ упрековъ, называя его карбонаріемъ и вольнодумцемъ.

Подъ арестомъ Грибоѣдовъ выси-
дѣлъ въ главномъ штабѣ четыре мѣ-
сяца. Изъ записокъ, сохранившихся до-
селѣ и писанныхъ въ это время боль-
шею частью къ Булгарину, мы ви-
димъ, что Грибоѣдовъ все время былъ
очень веселъ, но конечно, смертельно
скучалъ. Онъ убѣдительно просилъ
друзей своихъ присылать ему газетъ

и журналовъ. Отъ скуки онъ даже принимался за математику, просилъ достать ему «Дифференціальное исчисленіе» Франклера. Къ этому времени относится и его эпитаграмма:

„По духу времени и вкусу
Я ненавиждѣль слово: *рабъ*,
За то посаженъ въ главный штабъ
И тамъ притянуть къ Иисусу“.

Убѣдившись въ невинности Грибоѣдова, Государь Императоръ не только освободилъ его изъ подъ ареста, но обласкалъ и далъ чинъ надворнаго совѣтника.

IV

Вскорѣ послѣ освобожденія Грибоѣдова началась персидская война. Онъ все еще числился при Ермоловѣ; но какъ извѣстно, старый кавказскій герой попалъ въ то время въ опалу и вмѣсто него назначенъ былъ гр. Паскевичъ. Грибоѣдовъ уже не думалъ возвратиться на Кавказъ; но мать, всегда заботившаяся о карьерѣ сына, и слышать не хотѣла объ этомъ. Вдобавокъ сыну представлялась блестящая будущность, такъ какъ новый главнокомандующій, гр. Паскевичъ, былъ женатъ на племянницѣ Настасіи Ѳедоровны Грибоѣдовой. Александръ Сергѣевичъ долго не соглашался перейти на службу къ Паскевичу. Обязанный своимъ спасеніемъ Ермолову, онъ

находилъ неловкимъ остаться при новомъ главнокомандующемъ, такъ какъ Ермоловъ, въ силу весьма понятныхъ причинъ, не долюбливалъ Паскевича. Но умная Настасья Федоровна уговорила таки сына. Разъ она повезла его молиться къ Иверской Божьей матери, и упавъ на колѣни передъ сыномъ, начала заклинять его всѣми святыми исполнить ея просьбу. Грибоѣдовъ согласился, и просьба матери, конечно, заключалась въ томъ, чтобъ онъ перешелъ на службу къ гр. Паскевичу. Скрѣпя сердце, Грибоѣдовъ долженъ былъ уступить.

Однако ожиданія Грибоѣдова оправдались; Ермоловъ, узнавъ объ этомъ, подобно Цезарю, съ горечью замѣтилъ:

— «И онъ, Грибоѣдовъ, оставилъ меня и отдался моему сопернику»!

4-го апрѣля 1827 года Грибоѣдовъ былъ назначенъ Паскевичемъ чиновникомъ, завѣдывающимъ заграничными сношеніями съ Персіей и Турціей.

Во время заключенія мира съ Персией, переговоры все время велъ Грибоѣдовъ. Онъ посѣтилъ нѣсколько разъ въ лагерѣ Аббасъ-Мирзу, и мирный *Туркменчайскій договоръ* былъ подписанъ 10-го февраля 1828 г. Въ награду за блестящій договоръ, присоединявшій къ Россіи Эриванскую губернію, Паскевичъ послалъ Грибоѣдова съ этимъ документомъ къ Государю Императору.

Проѣздомъ черезъ Москву онъ посѣтилъ Ермолова. Алексѣй Петровичъ принялъ его весьма холодно. «Не могу себѣ простить, говорилъ Грибоѣдовъ въ Петербургѣ своимъ друзьямъ, что я посѣтилъ Ермолова! Что онъ могъ подумать! Точно я похвастать хотѣлъ.... А я, ей Богу, заѣхалъ къ нему по старой памяти!»

Въ Петербургѣ Грибоѣдовъ за вѣсть о мирѣ былъ награжденъ Государемъ Императоромъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ св. Анны 2 ст. алмазами

украшеннымъ, и четырьмя тысячами червонныхъ, и наконецъ черезъ мѣсяцъ назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ.

Пробывъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ, онъ возымѣлъ намѣреніе поставить хоть теперь свое „Горе отъ ума!“ Но увы! и званіе министра не помогло Грибоѣдову видѣть свою комедію на сценѣ; она безусловно была запрещена цензурою.

Съ какимъ-то зловѣщимъ предчувствіемъ ѣхалъ онъ въ Персію.

— „Насъ тамъ непременно всѣхъ перережутъ. Аллаяръ-ханъ—мой личный врагъ; не проститъ онъ мнѣ Тузкменчайскаго договора! говорилъ Грибоѣдовъ своимъ друзьямъ”.

V

Грибоѣдовъ прибылъ въ Тифлисъ 8-го іюля 1828 года. Уже на станціи Гортискари онъ былъ привѣтствованъ чиновниками, выѣхавшими къ нему на встрѣчу. Онъ остановился въ помѣщеніи занимаемомъ гр. Паскевичемъ. Графа тогда не было въ Тифлисѣ, онъ находился въ своей главной квартирѣ. Грибоѣдовъ хотѣлъ ѣхать туда, не смотря на чуму, свирѣпствовавшую тогда въ войскахъ, онъ даже добрался до Шулаверъ, но дорога до того была испорчена, что онъ долженъ былъ вернуться обратно въ Тифлисъ.

Здѣсь, передъ выѣздомъ въ Персію онъ обручился съ княжной Ниной Чавчавадзе. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ, въ письмѣ къ Булгарину,

ЭТОТЪ СЧАСТЛИВЫЙ ДЛЯ НЕГО ВЪ ЖИЗНИ
ШАГЪ:

„16-го іюля я обѣдалъ у моей старой пріятельницы Ахвердовой. За обѣдомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзе, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилося; не знаю, безпокойства-ли другого рода, по службѣ-теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную; выходя изъ за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: „Venez avec moi, j'ai quel que chose á vous dire“. Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепьяно; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, вошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханье занялось, я не помню что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Просковѣ Николаевнѣ Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нее на губахъ во всю ночь и весь день, отправили курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ“.

Княжна Нина Александровна Чавчавадзе была одно изъ прелестнѣйшихъ созданій того времени. Красави-

ца собою, великолѣпно образованная, съ рѣдкимъ умомъ, она безусловно завоевывала симпатіи всѣхъ, кто только съ ней былъ знакомъ. Всѣ кто только ее зналъ—люди самыхъ различныхъ слоевъ, понятій, мнѣній—сходятся на одномъ, что эта была, идеальная женщина. Не было мало-мальски выдающагося поэта въ Грузіи, который бы не посвятилъ ей нѣсколько стихотвореній. Кстати, отецъ ея князь Александръ Гарсевановичъ Чавчавадзе былъ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ въ Грузіи. Но странно, что Грибоѣдовъ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ не упоминаетъ объ этомъ. Намъ кажется, что едвали онъ имѣлъ понятіе объ его стихахъ, распѣваемыхъ сазандарами, и не подозрѣвалъ, сколько было поэзіи и самобытности въ этомъ грузинскомъ Анакреонѣ. Да и самъ князь Александръ Чавчавадзе, едвали могъ тогда понять значеніе своего зятя!

«Своя своихъ не познаша»!

Свадьба Грибоѣдова состоялась 22 августа (1828). Вѣнчаніе происходило въ Сіонскомъ соборѣ; Грибоѣдовъ въ это время страдалъ лихорадкой и даже подъ вѣнцомъ онъ трясся въ параксизмѣ. Свадьба его была довольно тихая—гостей было не болѣе 50-ти человекъ.

На третій день у Грибоѣдова былъ обѣдъ на сто человекъ; послѣ обѣда открылись танцы, продолжавшіеся до полуночи. Въ Тифлисѣ данъ былъ цѣлый рядъ праздниковъ, въ честь новобрачныхъ. Губернаторъ Сипягинъ, генералъ Ховенъ и прочія власти города попеременно давали обѣды и балы. Но Грибоѣдовъ спѣшилъ въ Персію. Онъ выѣхалъ изъ Тифлиса съ молодой женой 9-го сентября; Нину Александровну сопровождала до Эривани ея мать, княгиня Саломѣ Ивановна.

VI

Грибоѣдовъ совершенно преобразился; мы видимъ его счастливаго, наверху блаженства! Вотъ одно письмо, писанное въ то время:

„Другъ мой Варвара Семеновна!*)

Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать. Знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ. Не пеняйте же на долгое мое молчаніе, милый другъ, видите-ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для переменны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылится, спѣшивается и поздравляетъ съ

*) Письмо это послано изъ Эчміадзина, 17 сентября 1826 г. къ г-жѣ В. С. Миклашевичъ.

пылится, спѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреньемъ etc., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители первое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моей лѣнью.

„Какъ все это случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда“!

Слышите? Эта жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шесть-надцатый годъ. Но мнѣ простиительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель, исчезла, можетъ быть навсегда, и какъ не мило, какъ не утѣшительно дѣлать все съ милымъ, воздушнымъ созданиемъ, но это теперь такъ свѣтло и отраднo, а впереди какъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Транера и Куперову Прагіе,—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ*

жизни, въ различныхъ походе́ніяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною сомною сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ“.

Далѣе, описывая свои служебныя занятія, онъ продолжаетъ:

„ ... Наконецъ послѣ тревожнаго дня вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; рассказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитижѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки, Migillo,—вотъ она!“.

Съ приѣздомъ въ Персію Грибоѣдова начинаются тѣ пререканія между нашимъ посольствомъ и черсидскимъ дворомъ, которыя привели къ извѣстному несчастному концу. Представляясь въ Тегеранѣ Шаху и вручая свои ввѣрительныя грамоты, Грибоѣдовъ слишкомъ долго сидѣлъ въ при-

сутствіи Шаха, такъ что этотъ послѣдній едва выдержалъ тяжесть короны и жемчугомъ унизанной одежды, въ которую облачился для приѣма министра. На второй аудіенціи повторилось тоже самое, при чемъ Шахъ принужденъ былъ сказать: «Джаны мэра хиласкунъ» (въ переводѣ это значитъ: избавьте меня).

Грибоѣдовъ обидѣлся, завязалась по этому поводу переписка, не приведшая ни къ чему и значительно охладившая отношенія его ко двору Шаха. Ежедневно происходили стычки между прислугою посольства съ чернію, и говоря откровенно, нельзя винить въ этомъ персіанъ. По всей вѣроятности, вѣсти о безчинствахъ посольской прислуги не доходили до Грибоѣдова.

Были еще другаго рода обстоятельство, которыя сильно возбуждали фанатическихъ персіанъ. Дѣло въ томъ, что Грибоѣдова осаждали лица, преимущественно армяне, родственники которыхъ были похищены персіянами,

съ просьбой заступиться за нихъ и выручить плѣнницъ. Горячо заступаясь за христіанъ, Грибоѣдовъ навлекалъ на себя сильное негодованіе всего населенія и въ особенности мullahъ.

Несмотря на это, дѣло повидимому улаживалось и Грибоѣдовъ, обмѣнявшись подарками съ Шахомъ, уже хотѣлъ возвратиться въ Тавризъ, гдѣ онъ оставилъ жену, какъ передъ самымъ отъѣздомъ явился къ нему главный евнухъ Шаха *Мирза-Якубъ*, уроженецъ эриванской губерніи, по фамиліи *Маркарянъ*, выражая желаніе возвратиться на родину и прося покровительства министра. *Мирза-Якубъ* занималъ должность казначея и главнаго хранителя сокровищъ и богатствъ гарема. Къ несчастію, Грибоѣдовъ принялъ живѣйшее участіе въ немъ и оставилъ евнуха въ посольскомъ домѣ. Между тѣмъ вся свита Шаха трепетала при одной мысли, что скажетъ по этому поводу повѣлитель Ирана. Въ

силу весьма понятныхъ причинъ, Шахъ пришелъ въ ярость при этомъ извѣ-
стіи, но нужно отдать ему справедли-
вость, въ продолженіи всей этой исто-
ріи, онъ велъ себя весьма сдержанно.
По словамъ единственнаго свидѣтеля,
оставшагося въ живыхъ, г. *Мальцева*
въ день 20 разъ приходили посланцы
отъ Шаха съ самыми нелѣпыми пред-
ставленіями. Они говорили, что *Хаджа*
(евнухъ) тоже, что жена шахская, и
что слѣдовательно посланникъ отнялъ
жену у Шаха. *Грибоѣдовъ* стоялъ на
своемъ, основывая свое рѣшеніе на
трактатѣ, въ силу котораго онъ не
имѣетъ права отказывать въ покрови-
тельствѣ бывшему русско-подданному.

Тогда персіяне выдумали, что *Мир-
за-Якубъ* унесъ съ собой 40 т. тумановъ,
въ чемъ евнухъ не сознавался.
Наконецъ обѣ стороны согласились
назначить духовный судъ. *Грибоѣдовъ*
послалъ въ судъ *Мирзу-Якуба* въ со-
провожденіи секретаря *Мальцева* и пе-

реводчика Шахъ-Назарова; но духовный судъ не состоялся; обвиненія, взведенныя на Мирзу-Якуба были голословны и сами персіане отказались отъ суда. На другой день согласились поручить разбирательство дѣла высшимъ сановникамъ Шаха.

Между тѣмъ главный мулла Мирза-Месихъ узналъ, будто Мирза-Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру.

— Какъ! говорилъ онъ, человекъ болѣе 20 лѣтъ въ нашей вѣрѣ, читаетъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, наругается надъ ~~нашею~~ вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!

Вѣсть объ этомъ распространилась по цѣлому Тегерану.

— Запирайте завтра базаръ, говорили ахунды народу, и собирайтесь въ мечетяхъ, — тамъ услышите наше слово.

На другой день, именно 30-го января 1829 г. толпа собралась сначала у мечетей.

— Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба, слышалось со всѣхъ сторонъ, и чернь не замедля бросилась туда. Караульные при домѣ посольства не имѣли при себѣ зарядовъ, они бросились за ними на чердакъ, но тамъ застали народъ, который уже растаскалъ и ружья, и патроны. Сначала Грибоѣдовъ приказалъ стрѣлять холостыми зарядами, и тогда велѣлъ зарядить ружья, когда увидѣлъ что на дворѣ уже убиваютъ посольскую прислугу.

Вотъ возмущающая душу картина послѣднихъ минутъ жизни Грибоѣдова, рассказанная персидскимъ секретаремъ, находившимся при посольствѣ:

„... Наконецъ раздались оглушительные удары въ домскую крышу, вскорѣ она была проломана насквозь, и первая пуля поразила смертельнымъ ударомъ молодчаго брата посланника, который съ сердечнымъ сокрушеніемъ вскрикнулъ: „по-

смотрите, посмотрите, они убили Александра“. Еще двое лишились жизни прежде чѣмъ мы успѣли убѣжать въ большую гостиную, занимавшую середину посольскаго отдѣленія.

„Какъ теперь вижу весь ужасъ нашего положенія, напечатленный на чертахъ всѣхъ присутствующихъ лицъ. У иныхъ казалось всѣ чувственныя способности онѣмѣли, другіе были снѣдаемы страшнымъ отчаяніемъ, многіе пытались, вмѣстѣ съ казаками, отчаянно защищать жизнь свою. Посланникъ, сложа руки на грудь, медленными шагами прохаживался взадъ и впередъ, и отъ времени до времени пропускалъ руку въ волосы; чело его было обогрено кровью отъ удара камнемъ нанесеннаго въ правую сторону головы. Онъ подошелъ ко мнѣ и произнесъ такимъ голосомъ, который обхватилъ меня дрожью; „видю они хотятъ насъ убить, Мирза! Я могъ отвѣчать ему только утвердительнымъ знакомъ. Послѣднія слова его, внятно дошедшія до моего слуха, были: Феть-Али-шахъ! Феть-Али-шахъ!...

„Посланникъ былъ пораженъ нѣсколькими сабельными ударами въ лѣвую грудь и мнѣ показывали бойца, человекъ атлетическаго сложенія и огромной силы въ услуженіи у одного изъ жителей Тегерана, ко-

торый нанесъ ему эти удары. У ногъ г. Грибоѣдова еще испускалъ послѣдніе вздохи казацкій урядникъ, который съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, до послѣдней минуты засловялъ его своимъ тѣломъ“....

Тѣло несчастнаго Грибоѣдова, совершенно обезображенное, было узнано между безчисленными трупами лишь по сведенному мизинцу, который, какъ мы сказали выше, былъ послѣдствіемъ дуэли съ Якубовичемъ. Лишь черезъ четыре мѣсяца бранные останки знаменитаго поэта были вывезены изъ Персіи. Жители всѣхъ городовъ, чрезъ которые провозили покойника, выходили на встрѣчу печальной процессіи, имѣя во главѣ облаченныхъ въ траурныя ризы священниковъ съ образами и хоругвями. Заимствуемъ описанье его похоронъ изъ частнаго письма къ Булгарину:

„..... 17-го Іюля (1829) поздно вечеромъ тѣло привезено было въ Тифлисъ и поставлено въ Сіонскомъ соборѣ, на великолѣпномъ катафалкѣ. При этомъ печальномъ случаѣ принимали дѣятельнѣйшее участіе

грузинскій гражданскій губернаторъ Ст. Сов. П. Д. Завилейскій. Во всемъ была видна общая забота воздать достойнымъ образомъ послѣднюю дань праху любимаго гражданина и поэта.

„Дорога изъ карантина къ городской заставѣ идетъ по правому берегу Куры; по обѣимъ сторонамъ тянутся виноградные сады, огороженные высокими каменными стѣнами. Въ печальномъ шествіи было что-то величественное и неизъяснимо трогало душу. Сумракъ вечера, озаренный факелами, стѣны, униженные плакавшими грузинками, окутанными въ бѣлыя чадры, протяжное пѣніе духовенства, за колесницею толпы народа, воспоминаніе объ ужасной кончинѣ Грибоѣдова—все это раздирало сердца знавшихъ и любившихъ его. Вдова, осужденная въ блестящей юности своей испытать ужасное несчастіе, въ горестномъ ожиданіи стояла съ семействомъ своимъ у городской заставы. Свѣтъ перваго факела возвѣстилъ ей о близости драгоцѣннаго праха; она упала въ обморокъ и долго не могли привести ее въ чувство.

„На другой день происходило отпѣваніе тѣла въ присутствіи г. военного губернатора генераль-адъютанта С. С. Стрѣкалова, всѣхъ бывшихъ въ городѣ г. г. генераловъ, почет-

ныхъ жителей Тифлиса. Послѣ священнаго служенія, совершеннаго экзархомъ Грузіи, митрополитомъ Іоною, который весьма трогательнымъ надгробнымъ словомъ заставилъ всѣхъ бывшихъ въ церкви проливать слезы, не могли самъ почти говорить отъ рыданій, тѣло отвезено было для погребенія въ монастырь Св. Давида съ торжественною церемоніею, по составленному на этотъ случай особенному церемоніалу. Все народонаселеніе города совокупилося въ одной улицѣ, по которой проходилъ процессія; на лицѣ каждаго видны были тѣ же горестныя чувства какія обнаруживались наканунѣ при встрѣчѣ тѣла.

Заканчивая этотъ краткій біографическій очеркъ знаменитаго поэта и оставляя въ сторонѣ оцѣнку собственно литературной его дѣятельности, мы должны замѣтить, что помимо бессмертныхъ услугъ, оказанныхъ Грибоедовымъ дѣлу русскаго развитія, онъ дорогъ намъ, кавказцамъ, еще и по тѣмъ немаловажнымъ услугамъ, какия оказалъ онъ дѣлу мѣстнаго развитія. Въ общественной его дѣятельно-

сти въ нашемъ краѣ имѣется не мало сторонъ, дѣлающихъ его имя незабвеннымъ для всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы нравственнаго развитія нашей окраины. Грибоѣдовъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ, съ любовью отнесшихся къ нашей сторонѣ; трезво смотрѣлъ на ея будущность и горячо сочувствовалъ ея судьбамъ.....

Онъ одинъ изъ первыхъ—если не первый—сумѣлъ понять, что въ ней живутъ и будутъ жить *люди*, достойные симпатіи, поддержки и любви со стороны всѣхъ порядочныхъ людей русской земли..... Изъ писемъ его къ гр. Паскевичу видно, что онъ смотрѣлъ на установленіе правильныхъ отношеній власти къ мѣстному населенію глазами просвѣщеннаго и дальнорознаго *государственнаго* челоуѣка. Онъ возставалъ въ этихъ письмахъ противъ скороспѣлаго и необдуманнаго навязыванія мѣстнымъ племенамъ чуждыхъ имъ законовъ, «которыхъ никто

не понимаетъ и соблюдать не хочетъ!» Онъ совѣтовалъ «оставить народу нетронутыми его обычные *выборные* суды, въ которыхъ онъ имѣетъ довѣріе; по возможности не касаться внутренней администраціи, ограничиваясь назначеніемъ депутатовъ отъ правительства въ *народныя* управленія и суды». Живые свидѣтели благотворнаго дѣйствія этихъ мудрыхъ мѣръ, примененныхъ десятки лѣтъ спустя послѣ смерти Грибоѣдова—мы болѣе чѣмъ кто либо можемъ оцѣнить ту глубокую любовь, которая диктовала симпатичному поэту эти совѣты и указанія. И вотъ почему мы вдвойнѣ оцѣнимъ его: какъ поэта и какъ гражданина родной земли.

Кн. Д. Г. Эристовъ.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

А. С. Грибоѣдова.

МОСКВА.

Издание 2-е А. С. Панафидиной.

Покровка, Лялинъ пер., соб. д.

1907.

— 1.352

Типо-лит. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва
Телефоны: 18-35 и 33-95

საქართველოს ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4-го января 1795 года, въ богатой дворянской семьѣ, принадлежавшей къ высшему московскому обществу. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ своихъ родителей, и образованіе это было настолько серьезно, что могло считаться рѣдкимъ явленіемъ въ нашихъ дворянскихъ семьяхъ того времени, гдѣ дѣти получали очень часто лишь французское велико-свѣтское воспитаніе. Родители Грибоѣдова хотя и любили тянуться за старой аристократіей и свято хранили родовыя традиціи, однако сына своего учили не одному французскому языку, но и нѣмецкому, англійскому и латинскому; даже музыкѣ учили его серьезно, знакомя не только съ практическою, но и съ теоретическою стороною этого искусства. Первымъ воспитателемъ его былъ нѣмецъ

Петрозилиусъ, человѣкъ чрезвычайно ученый, старавшійся привить своему питомцу серьезное отношеніе къ знанію. Но Петрозилиусъ былъ въ достаточной мѣрѣ педантъ, и профессоръ А. Веселовскій думаетъ, что едва ли не его имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ въ первоначальномъ видѣ одной выходки Чацкаго, въ концѣ седьмого явленія перваго дѣйствія Горя отъ ума:

Я не могу забыть, учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца
Какъ наши робкіе тревожили умы;
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что ничего нѣтъ выше нѣмца! *)

Научныя занятія пошли еще болѣе систематическимъ путемъ, когда Петрозилиуса смѣнили случайно встрѣтившійся гувернеръ, Богданъ Ивановичъ Іонъ, человѣкъ умный и добродушный, къ которому Грибоѣдовъ привязался всею душою. Іонъ сдѣлался не только руководителемъ воспитанія Грибоѣдова, но и близкимъ другомъ и совѣтникомъ его. «Это была одна изъ тѣхъ добродушныхъ старческихъ головъ, говоритъ Веселовскій,—которыя такъ симпатично вырѣзываются иногда въ

*) Русскій Архивъ 1874 года, кн. первая, стр. 1518.

смутной картинѣ воспоминаній о раннемъ дѣтствѣ и которыя потомъ неразлучны со всѣми хорошими днями жизни».

Благодаря Петрозиліусу и Іону, относительно Грибоѣдова нельзя сказать, чтобы онъ учился «чему-нибудь и какъ-нибудь», и это серьезное веденіе дѣла имѣло свои хорошія послѣдствія: знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ открыло молодому человѣку богатая литературы Запада; систематическое веденіе занятій развило въ немъ привычку къ усидчивости и основательности въ трудѣ; разумное обученіе музыкѣ сдѣлало то, что фортепьяно было для Грибоѣдова не орудіемъ нытки, какъ это иногда случается, а источникомъ поэтическихъ наслажденій. Онъ страстно полюбилъ музыку и часто, «увлекаясь въ безконечныя импровизаціи, забывалъ весь міръ и не отрывался отъ инструмента по цѣлымъ днямъ» *). Такъ складывалась постепенно тонкая, впечатлительная, артистическая натура умнаго отъ природы Грибоѣдова.

Въ 1810 году, мать, заботясь о карьерѣ сына, рѣшила дать ему университетское обра-

*) Слова Веселовскаго.

зованіе или, выражаясь точнѣе, дать ему возможность прослушать нѣсколько отдѣльных курсовъ у лучшихъ профессоровъ и затѣмъ — получить степень кандидата и такимъ образомъ облегчить себѣ первый шагъ на службѣ. Въ этомъ отношеніи заботливая мать поступила совершенно въ духѣ окружавшей ее среды: университеты являлись уже тогда въ глазахъ многихъ средствомъ для устройства первоначальной судьбы молодого дворянскаго поколѣнія. Это уже составляло шагъ впередъ сравнительно съ зачисленіемъ дворянскихъ дѣтей на службу по архиву или по Кремлевской экспедиціи, порождавшихъ ту толпу «архивныхъ юношей», о которыхъ упоминаетъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», и изъ которыхъ такъ легко формировались такіа безцвѣтныя личности, какъ гг. Н. и Д., выведенные въ комедіи: «Горе отъ ума». Но, допуская сына къ слушанію университетскихъ лекцій, мать позаботилась въ то же время и о соблюденіи всего того, что въ этомъ случаѣ было обыкновенно принято въ бонтонныхъ домахъ: его не записали въ число студентовъ, а допустили лишь быть вольнослушателемъ

и посылали на лекціи всегда въ сопровожденіи гувернера --- Іона.

Записавшись въ число вольвослушателей Московскаго университета, Грибоѣдовъ выбралъ себѣ этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета, которое соотвѣтствовало нынѣшнему юридическому. Юноша не имѣлъ, конечно, никакихъ видовъ на карьеру, а выбралъ онъ юридическій факультетъ отчасти подъ вліяніемъ Іона, который самъ былъ докторомъ правъ, но главнымъ образомъ, уступая желанію матери, ожидавшей именно стъ этого факультета хорошей карьеры для сына.

Хотя мать, отдавая сына въ университетъ, руководилась чисто внѣшними побужденіями, тѣмъ не менѣе сынъ иначе относился къ университетскимъ занятіямъ: онъ съ любовью посѣщалъ лекціи, и не только своего факультета, но и другихъ. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ профессоровъ Московскаго университета имѣли на Грибоѣдова большое вліяніе: это именно профессора М. М. Снегиревъ, Страховъ и Буле (Buhle). Простодушный, истинно-религіозный Снегиревъ, читавшій исторію философіи, вообще имѣлъ хорошее

нравственное вліяніе на своихъ слушателей, изъ которыхъ многіе посѣщали его домъ. Профессоръ Страховъ, большой любитель театра, руководилъ обыкновенно студенческими спектаклями—и здѣсь въ Грибоѣдовѣ легко могла зародиться та, часто переходившая въ энтузіазмъ, любовь къ театру, которая потомъ жила въ немъ во весь его юношескій періодъ и рано направила его литературную дѣятельность къ любимой формѣ—драматической. Но всего важнѣе было вліяніе на Грибоѣдова профессора Буле, отличавшагося обширною и солидною ученостію, читавшаго лекціи по философіи, эстетикѣ, исторіи и другимъ наукамъ. Кромѣ лекцій въ университетѣ, Буле читалъ студентамъ и частные курсы у себя на дому, гдѣ различные вопросы науки подвергались подробному и серьезному изученію. Изъ области эстетики Буле любилъ останавливаться преимущественно на изученіи сущности и главныхъ основъ драмы, въ особенности комедіи, которая была его любимымъ родомъ поэзіи. Читая свои лекціи въѣмъ вообще, Буле, оцѣнивъ дарованія Грибоѣдова, нерѣдко посвящалъ ему одному продолжительныя философскія и эстетическія

бесвды, пріучая своего слухателя къ отвле-
ченному мышленію и самоуглубленію.

Такимъ образомъ въ университетѣ Грибоѣ-
довъ не только развивался подѣ влияніемъ
науки, но и видѣлъ увлекательные примѣры
нравственной силы и полезной, безкорыстной
дѣятельности. Живѣе и убѣдительнѣе долженъ
былъ сознавать онъ съ каждымъ днемъ, что
среда, къ которой принадлежатъ такіе люди,
какъ Буле, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ
великосвѣтскимъ кружкомъ, въ которомъ при-
ходилось ему жить, — и у него сами собой
стали подниматься вопросы, сравненія, со-
мнѣнія, и, наконецъ, съ одной стороны, стали
слагаться высокій идеалъ, а съ другой — стали
все болѣе и болѣе усиливаться отрицательныя
отношенія ко всему тому, что противорѣчило
этому идеалу. Эти отрицательныя отношенія
рано или поздно должны были высказаться.
Тѣ же университетскія занятія уже заранѣе
обусловили и форму, въ которую долженъ
былъ отлиться протестъ Грибоѣдова: форма
эта — комедія, и въ эту-то форму и облекъ
онъ впоследствии свое безсмертное произведе-
ніе — «Горе отъ ума».

Послѣ всего, что сказано выше, самыми интересными вопросами являются слѣдующіе два: 1) какія же противорѣчія своему идеалу нашелъ Грибоѣдовъ въ окружавшемъ его великосвѣтскомъ кружкѣ? и 2) когда у него зародилась мысль о комедіи «Горе отъ ума»?

Біографы Грибоѣдова прежде всего останавливаются на его матери, Настасьѣ Ѳедоровнѣ. Она горячо любила сына и желала ему счастья, но счастье она понимала по-своему: она видѣла его въ блестящей служебной карьерѣ, и на самое образованіе сына, на его университетскія занятія, смотрѣла лишь какъ на средство для карьеры. Къ рано начавшимся его литературнымъ занятіямъ, къ его стихотворству, она относилась съ презрѣніемъ. Она безпрестанно старалась оторвать его отъ дѣла, чтобы вывезти въ свѣтъ и тамъ сблизить съ разными вліятельными лицами и такимъ путемъ подготовить его будущую служебную карьеру. За матерью стоялъ рядъ близкихъ родственниковъ, проникнутый такими же взглядами и такими же стремленіями. Одинъ изъ нихъ сильно напоминаетъ Фамусова: это дядя Грибоѣдова по матери—Алексѣй.

Федоровичъ. О немъ между прочимъ разсказываютъ слѣдующее:

«Въ числѣ важнѣйшихъ членовъ семейнаго ареонага особенно выдавался Алексѣй Федоровичъ, одинъ изъ тогдашнихъ московскихъ тузовъ. При помощи матери нашего писателя, питавшей къ нему большое уваженіе, Алексѣй Федоровичъ, гордившійся своими связями и положеніемъ въ свѣтѣ, старался ввезти молодого Грибоѣдова въ лучшее общество. Вѣчно приходилось Александру Сергѣевичу отстраняться отъ навязчивыхъ попеченій дяди. Какъ только Грибоѣдовъ замѣчалъ, что дядя въѣхалъ къ нимъ на дворъ, разумѣется, затѣмъ, чтобъ везти его на поклоненіе къ какому-нибудь князь-Петръ-Ильичу, онъ раздѣвался и ложился въ постель.»—Поѣдемъ,—приставалъ Алексѣй Федоровичъ.— Не могу, дядюшка: то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ,—хитрилъ молодой человѣкъ. (Веселовскій).

Такимъ образомъ въ окружавшихъ и близкихъ людяхъ распознавалъ Грибоѣдовъ рядъ темныхъ характеровъ, видѣлъ интриги, искаительство, низкопоклонство и другія отталкивающія стороны,—и у него тогда уже зародилась мысль осмѣять ихъ: есть свидѣтельство,

что еще въ 1812 году Грибоѣдовъ читаль Тону и одному изъ своихъ университетскихъ товарищей отрывки изъ комедіи, носившей уже названіе „Горе отъ ума“.

Само собою разумѣется, что въ 1812 году у Грибоѣдова не могло еще быть полной и совершенно законченной комедіи: это были лишь первоначальные наброски, о дальнѣйшей обработкѣ которыхъ тогда некогда было и думать, такъ какъ событія отечественной войны громко говорили о другихъ неотложныхъ потребностяхъ, и молодежь, увлекаемая чувствомъ патріотизма, шла въ ряды русскаго войска. Въ числѣ такихъ молодыхъ людей былъ и Грибоѣдовъ.

Выдержавъ экзамень со степенью кандидата, Грибоѣдовъ въ іюлѣ 1812 года оставилъ университетъ и поступилъ въ гусарскій полкъ князя Салтыкова. Но такъ какъ Салтыковъ скоро умеръ, и полкъ его былъ распущенъ, то Грибоѣдовъ въ декабрѣ перешелъ въ другой: въ гусарскій Иркутскій. Полкъ этотъ, однако, вошелъ въ составъ резерва, и участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принималъ, а простоялъ во все время войны въ Западномъ

край: сперва въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ и наконецъ подъ Брестъ-Литовскомъ. Грибоѣдовъ попалъ теперь въ среду, которая умѣла, какъ говорится, прожигать жизнь. Гусары, среди бивачной жизни вдали отъ непріятеля, предавались разгулу и всякаго рода дурачествамъ, за что Грибоѣдовъ въ послѣдствіи называлъ ихъ «дружиной» и «казарменными готентотами». Но на первыхъ порахъ, будучи пылкаго и увлекающагося характера, онъ и самъ принималъ участіе въ дурачествахъ. Къ счастью, пребываніе его среди этой дружины было непродолжительно, всего 4 мѣсяца, а затѣмъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, который былъ начальникомъ кавалерійскаго корпуса и квартировалъ тогда въ Брестѣ. Тѣмъ не менѣе чадъ гусарскаго разгула былъ такъ великъ, что Грибоѣдовъ долго не могъ забыть его, и въ послѣдствіи писалъ къ Бѣгичеву: «Я въ этой дружинѣ побылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу попасть на путь истинный».

Адъютантство при Кологривовѣ тѣмъ и было хорошо, что оно не только оторвало Грибоѣдова отъ «дружины», но и свело его съ кучкою

болѣе образованной молодежи: въ Брестѣ онъ нашелъ писателя кн. Вяземскаго, драматурга А. Шаховскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Не всего болѣе сошелся онъ тутъ съ сослуживцемъ своимъ Степаномъ Никитичемъ Бѣгичевымъ, имѣвшимъ благотворное вліяніе на своего друга: благодаря общенію съ нимъ, Грибоѣдовъ окончательно остылъ къ гусарскому прожиганію жизни, и въ немъ оцять вспыхнула любовь къ литературнымъ занятіямъ. Продолжить «Горе отъ ума», конечно, было нельзя: для этого нужны были болѣе благопріятныя условія; но чтобы удовлетворить своей потребности творчества, Грибоѣдовъ затѣваетъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ комедію: «Кто братъ, кто сестра» и переводитъ съ французскаго комедію же: «Молодые супруги». Но если «Горе отъ ума» не подвигалось впередъ, то зато накаплиется матеріалъ для него: основныя черты Скалозуба, этого фронтовика-служака, были подмѣчены Грибоѣдовымъ во время его службы въ Литвѣ, хотя потомъ типъ этотъ былъ дополненъ чертами, взятыми у другихъ личностей.

По окончаніи войны Грибоѣдовъ переѣхалъ въ Петербургъ (1815 г.), гдѣ вскорѣ оставилъ

военную службу, и въ 1817 году поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, куда въ томъ же году поступилъ и Пушкинъ, только что окончившій лицей. Они познакомились другъ съ другомъ, но никогда не сходились близко, чему мѣшали совершенно различныя литературныя связи обоихъ писателей: Грибоѣдовъ былъ друженъ съ Шаховскимъ и его кружкомъ; Пушкинъ же былъ членомъ литературнаго общества «Арзамасъ», гдѣ былъ и Жуковский, поклонникъ Карамзина. Кружокъ Шаховскаго вообще не жилъ въ ладу съ арзамасцами—и вотъ причина, почему Грибоѣдовъ не былъ въ дружбѣ ни съ Пушкинымъ, ни съ Жуковскимъ, ни съ Карамзинымъ, котораго такъ почитали арзамасцы. За то все больше и больше укрѣплялись его связи съ кружкомъ Шаховскаго, члены котораго работали для русскаго театра. Грибоѣдовъ помогалъ имъ, принимая участіе въ сочиненіи и переводѣ комедій въ сообществѣ съ другими членами кружка. Но въ то же время Грибоѣдовъ завязываетъ и другія связи: есть указаніе на то, что онъ былъ знакомъ и съ нѣкоторыми изъ тѣхъ людей, которые тогда уже принадлежали къ либеральнымъ кружкамъ.

Подъ вліаніемъ знакомства съ ними Грибоѣдовъ опять возвратился къ мысли о своей комедіи—и занялся сопоставленіемъ въ ней двухъ поколѣній: стараго и новаго. Бѣгичевъ свидѣтельствуесть, что Грибоѣдовъ принялся за «Горе отъ ума» въ 1816 году. Конечно, и тогда это были лишь наброски, которымъ предстояло еще долго подвергаться различнымъ измѣненіямъ.

Между тѣмъ мать не переставала хлопотать о карьерѣ сына, и наконецъ хлопоты ея увѣнчались успѣхомъ: Грибоѣдову открывалось дипломатическое поприще; оставалось только уговорить его принять предлагаемое мѣсто. Настасья Ѳедоровна успѣла и въ этомъ: уступая просьбамъ матери, Грибоѣдовъ въ 1818 году принялъ мѣсто секретаря посольства въ Персіи и уѣхалъ изъ Петербурга. Съ грустію отправился онъ въ далекую страну, гдѣ его ожидала тоска по дружескому кругу, по цивилизованной жизни, по музыкѣ, которую онъ страстно любилъ. Настроеніе его было вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезное; пустая свѣтская жизнь не только его не занимала, но онъ даже не могъ безъ грусти видѣть, какъ отдавались

ей другіе. Такъ, остановившись проѣздомъ въ Москвѣ, онъ, по поводу своего тамъ пребыванія, писалъ къ Бѣгичеву: «Въ Москвѣ все не по мнѣ: праздность, роскошь, не сопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку: нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному». Изъ Москвы Грибоѣдовъ поѣхалъ на Кавказъ и прожилъ 4 мѣсяца въ Тифлисѣ, гдѣ познакомился съ генераломъ Ермоловымъ, который оцѣнилъ и полюбилъ его. Наконецъ въ февралѣ 1819 г. онъ прибылъ въ Персію, къ своему посту. Тутъ онъ принялся за изученіе восточныхъ языковъ, особенно персидскаго, и скоро овладѣлъ имъ настолько, что могъ объясняться и свободно читать персидскихъ поэтовъ. Но, несмотря на то, что эти занятія, вмѣстѣ съ добросовѣстнымъ выполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей, наполняли его время,— онъ тосковалъ и скоро сталъ просить объ увольненіи. Въ запискѣ своей онъ говорилъ: «Познанія мои заключаются въ изученіи языковъ—славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ.

Для того, кто хочет быть полезенъ обществу, еще недостаточно имѣть нѣсколько реченій для выраженія одной мысли; чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. И я именно для того, чтобъ приобрѣсть свѣдѣнія, прошу объ увольненіи отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, гдѣ не только ничему не научишься, но еще забудешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину вмѣсто того, чтобъ выставять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ — обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ». Однако въ Персіи Грибоѣдову пришлось пробыть 3 года, и только въ 1822 году онъ былъ переведенъ въ Грузію, къ Ермолову, для дипломатической службы.

Въ Грузіи Грибоѣдовъ приступилъ было къ окончательной отдѣлкѣ «Горя отъ ума», но, обработавъ первыя два дѣйствія, онъ увидѣлъ, что для остальныхъ двухъ, въ которыхъ въ особенности должна была обрисоваться среда, окружающая Чацкаго, у него недостаетъ красокъ; что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ русскаго общества, немного затуманили его воспоминанія—и вотъ

онъ задумываетъ поѣздку на родину: взявъ отпускъ, въ мартѣ 1823 г. онъ былъ уже въ Москвѣ. «Очувившись снова въ той обстановкѣ, которая впервые возбудила въ немъ сатирическій задоръ»,—разсказываетъ Веселовскій,— «Грибоѣдовъ съ жаромъ принялся за новыя наблюденія. Его не узнавали: прежде не любившій показываться на шумныхъ свѣтскихъ собраніяхъ, онъ теперь, къ удивленію друзей, сталъ присяжнымъ посѣтителемъ гостиныхъ, баловъ и т. д. Матеріалу для общественной картины набиралось вдоволь... Когда наконецъ Грибоѣдовъ почувствовалъ, что идея вполнѣ созрѣла, и пора творчества настала для него, онъ поспѣшилъ удалиться отъ городского шума. Какъ первыя два дѣйствія были написаны въ сторонѣ отъ людей, далеко отъ всего развлекающаго вниманіе, такъ и послѣднія дѣйствія написаны въ русской деревнѣ, именно въ имѣніи Бѣгичева, селѣ Дмитріевскомъ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, куда Грибоѣдовъ въ концѣ мая или началѣ іюня 1824 г. пріѣхалъ вслѣдъ за своимъ другомъ. Здѣсь онъ уединялся для работы, избравъ для этого бесѣдку въ саду, вставалъ рано, днемъ сходилъ съ до-

машини только во время обѣда, но зато вечеромъ читалъ имъ написанное въ тотъ день... Онъ уже до того сжился съ своими героями, до того ясно видѣлъ ихъ передъ собою, что давалъ смѣло волю своей кисти, не опасаясь ошибокъ. Зато онъ чрезвычайно тщательно, съ чисто Пушкинскою добросовѣстностью, работалъ надъ своимъ слогомъ, десятки разъ мѣняя одну и ту же фразу, пока она не удовлетворяла наконецъ вполне его требованію».

Дописавъ комедію, Грибоѣдовъ вернулся въ Москву, и сперва было и не думалъ ставить ее на сцену; но когда, благодаря одному изъ близкихъ его знакомыхъ (графу Віельгорскому), она стала извѣстна многимъ, и когда онъ услышалъ восторженное сочувствіе,—ему захотѣлось видѣть свое произведеніе на сценѣ. Это желаніе даже ставило его въ противорѣчіе съ самимъ собою: съ одной стороны было у него желаніе славы, а съ другой—сознаніе суетности такого желанія. «Не могу въ эту минуту» -- писалъ онъ Бѣгичеву — «оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія... Грому, шуму, восхищенію, любознательству конца нѣтъ... Ты насквозь знаешь твоего

Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе несообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣстъ и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати сказать людямъ, что грошовыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! прилична-ль спесь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій!»

Письмо это было писано Бѣгичеву изъ Петербурга (въ августѣ 1824 г.), куда уѣхалъ Грибоѣдовъ хлопотать о постановкѣ своей комедіи на сцену. Сильное желаніе видѣть ее на сценѣ онъ и назвалъ «мелочной задачей», «гвоздемъ», вбитымъ имъ въ собственную голову, гвоздемъ, лишающимъ его права презирать побрякушки авторскаго самолюбія и гордиться этимъ презрѣніемъ. Но «гвоздь» все-таки дѣлалъ свое дѣло—и Грибоѣдовъ до того страстно хотѣлъ осуществить свое желаніе, что, отчасти въ виду цензурныхъ, а отчасти сценическихъ условій, принялся еще

разъ за отдѣлку своей пьесы и сдѣлалъ много измѣненій, хотя и, какъ говорится, скрѣпя сердце. «Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ»,— писалъ онъ въ томъ же письмѣ къ Бѣгичеву. Напрасны однако были эти труды Грибоѣдова. Между тѣмъ какъ одни восхищались его комедіей, другіе, затронутые ею за живое, старались очернить намѣренія автора, написавшаго будто бы пасквиль на Москву,—и пьеса цензурою не была пропущена. Эта неудача, несмотря на то, что «Горе отъ ума» распространялось въ безчисленномъ множествѣ списковъ, чрезвычайно огорчила Грибоѣдова. Ничего не добившись и видя невозможности поставить свою комедію на сцену или отдать въ печать, онъ въ концѣ весны 1825 г. оставилъ Петербургъ и снова уѣхалъ въ Грузію. Настроеніе его было чрезвычайно тяжелое. Изъ Крыма, куда онъ заѣхалъ на нѣкоторое время, онъ писалъ все тому же Бѣгичеву: «Вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не

знаю. не слишкомъ ли я отъ себя требую: Умѣю ли писать? Право, для меня все еще это загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать — за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? нѣмъ, какъ гробъ!.. Да, мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!» Въ слѣдующемъ письмѣ (изъ Θεοδοσίи, отъ 12 сент.) читаемъ такое выраженіе отчаянія: «Мнѣ такъ скучно, такъ грустно! Думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя; вотъ и кончилъ, а все не легче... Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности.—Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это долго меня промучить, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ».

Возвратясь въ Грузію, Грибоѣдовъ, желая развлечься, принялъ участіе въ экспедиціи противъ горцевъ, а когда началась персидская война, онъ, сопровождая Паскевича, смѣнившаго Ермолова, былъ ему чрезвычайно полезенъ своимъ знаніемъ восточныхъ языковъ и мѣстныхъ условій жизни. По окончаніи войны, въ награду за хлопоты при веденіи переговоровъ о мирѣ, Грибоѣдовъ былъ вы-

бранъ Паскевичемъ для поднесенія императору Николаю мирнаго Туркманчайскаго трактата. Въ Петербургъ онъ прибылъ въ мартъ 1828 года, а въ апрѣлѣ, осыпанный наградами, былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Сильно не хотѣлось Грибоѣдову ѣхать въ эту дикую страну: его томили и воспоминанія о своей прежней тоскѣ въ ней, и какія-то недобрыя предчувствія.

Проѣзжая черезъ Тифлисъ, онъ женился на княжнѣ Чевчевадзе, но и семейныя радости не уняли его грусти: приближаясь къ Тегерану, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе, и у него нѣсколько разъ вырывались слова: «Я не ворочусь оттуда; не оставляйте костей моихъ въ Персіи, похороните въ Грузіи». Предчувствія поэта сбылись: 30 января 1829 года его ужъ не было въ живыхъ: онъ былъ убитъ взволновавшеюся тегеранскою чернью, раздраженною отказомъ выдать укрывавшихся въ домѣ посланника взятыхъ персіянами въ плѣнъ армянъ и армянокъ, русскихъ подданныхъ, которыхъ собирались возвратитъ на родину. Тѣло Грибоѣдова, согласно его желанію, было перевезено въ Грузію и похоронено въ Тифлисъ, въ церкви св. Давида.

«Церковь св. Давида теперь реставрирована. На склонѣ горы, на террасѣ у церкви (налѣво) полукруглая арка съ рѣшеткой: это входъ въ склепъ Грибоѣдовыхъ. Надъ аркой грузинская надпись и нѣсколько рѣзныхъ орнаментовъ; на верху арки—вторая терраса. Самый памятникъ состоитъ изъ продолговатаго пьедестала, на которомъ стоитъ Распятіе; на послѣднее опирается скорбная женская фигура, немного меньше человѣческаго роста. Съ одной стороны пьедестала золотыми буквами подписано подъ медальономъ А. С. Г. «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795, января 4-го дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня». На другой сторонѣ: «Умъ и дѣла твои бессмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!». Напротивъ: «Незабвенному его Нина». Возлѣ—памятникъ Н. А. Грибоѣдовой (ум. 15 іюля 1857 г.).» (Описаніе И. А. Шляпкина).

Комедія Грибоѣдова: «Горе отъ ума», которую автору такъ и не удалось увидѣть ни въ печати, ни на сценѣ, гдѣ она появилась лишь въ тридцатыхъ годахъ, имѣетъ великое историческое значеніе. Прежде всего

она представляет яркую картину нравовъ русскаго общества Александровской эпохи, или вѣрнѣе — той значительной его части, которая жила еще старыми идеалами. Главный представитель этой части общества — Фамусовъ. Грибоѣдовъ очень полно очертилъ эту личность, указавъ его взглядъ и на отношеніе къ людямъ, и на службу, и на воспитаніе; указаль его стремленія, т.-е. указаль, что онъ считаетъ высшимъ благомъ, а также указаль и тѣ пути, которые Фамусовъ признаетъ самыми лучшими для того, чтобы добыть это благо. Читатель, конечно, легко можетъ представить себѣ, каковъ былъ Фамусовъ, какъ членъ общества, какъ чиновникъ и какъ отецъ и воспитатель своей дочери. Такіе люди какъ онъ, были, безъ сомнѣнія, вредны, и Гоголь указаль, почему они были вредны. Они были «вредны, во-первыхъ, собственнымъ имѣніямъ своимъ — тѣмъ, что, передавши ихъ въ руки наемщиковъ и управителей, требуя отъ нихъ только денегъ для своихъ баловъ и обѣдовъ, званыхъ и незваныхъ, они разрушили истинно законныя узы, связывавшія помѣщиковъ съ крестьянами; вредны, во-вторыхъ, на служебномъ поприщѣ — тѣмъ, что,

доставляя мѣста однимъ только ничего не дѣлающимъ родственникамъ своимъ, отняли у государства истинныхъ дѣльцовъ и отвадили охоту служить у честнаго человѣка; вредны, наконецъ, въ-третьихъ, духу правительства своею двусмысленною жизнью — тѣмъ, что, подъ личиною усердія и благонамѣренности, требуя поддѣльной нравственности отъ молодыхъ людей и развратничая въ то же время сами, возбудили негодованіе молодежи, неуваженіе къ старости и заслугамъ».

Картина общественныхъ нравовъ, представленная въ лицѣ Фамусова, великолѣпно дополнена многими другими отрицательными типами. Гоголь о нихъ говоритъ: «Не меньше замѣчательнень другой типъ: Загорѣцкій, вездѣ ругаемый и, къ изумленію, всюду принимаемый; лгунъ, плутъ, но въ то же время мастеръ угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленіемъ ему того, къ чему онъ грѣховно падохъ; готовый, въ случаѣ надобности, зажечь костры и на нихъ предать пламени всѣ книги, какія ни есть на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и сочинителей даже самыхъ басень, и симъ обнаружившій, что, не боясь ничего, даже самой позорнѣй-

шей брани, боится однакожь насмѣшки, какъ чортъ креста. Не менѣ замѣчателенъ третій типъ: глухой либераль Репетиловъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ, рыскающій по народнымъ собраніямъ, радующійся какъ Богъ вѣсть какой находкѣ, когда удастся ему пристегнуться къ какому-нибудь обществу, которое шумитъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, чего и рассказать даже не умѣетъ, но котораго бредни слушаетъ онъ съ чувствомъ увѣренности, что попалъ наконецъ на настоящую дорогу, и что тутъ кроется дѣйствительно какое-то общественное дѣло, которое, хотя еще не созрѣло, но какъ-разъ созрѣетъ, если о немъ пошумятъ побольше, станутъ почаще собираться по ночамъ, да позадористѣй между собою спорить. Не меньше замѣчателенъ четвертый типъ: Скалозубъ, появившій службу единственно въ умѣньи различать форменныя отлички, но, при всемъ томъ, удержавшій какой-то свой особенный философскій взглядъ на чины, признающійся откровенно, что онъ считаетъ ихъ, какъ необходимые каналы къ тому, чтобы попасть въ генеалогіи, а тамъ ему хоть трава не расти; всѣ прочія тревоги ему нипочемъ, а

обстоятельства времени и мѣста—для него не головоломная наука: онъ искренно увѣренъ, что весь міръ можно успокоить, давши ему въ Вольтеры фельдфебеля. Не менѣе замѣчательнень также типъ и старуха Хлестова, жалкая смѣсь пошлости двухъ вѣковъ, удержавшая изъ старинныхъ временъ только одно пошлое съ притязаніемъ на уваженіе отъ новаго поколѣнія, съ требованіями почтенія къ себѣ отъ самихъ людей, которыхъ сама презираетъ, готовая выбрать вслухъ и встрѣчнаго и поперечнаго за то только, что не такъ къ ней сѣлъ или передъ нею оборотился, ни къ чему не питающая никакой любви, никакого уваженія, но покровительница арачченковъ, мосеѣ и людей въ родѣ Молчалина—словомъ, старуха-дрянь, въ полномъ смыслѣ этого слова. Самъ Молчалинъ тоже замѣчательный типъ. Мѣтко схвачено это лицо, безмолвное, низкое, покамѣсть тихомолчкомъ пробирающееся въ люди, но въ которомъ, по словамъ Чацкаго, готовится будущій Загорѣцкій.

Второю связью комедіи Грибоѣдова съ Александровскою эпохой служитъ личность Чацкаго. Реформы императора Александра не могли не повліять на подрастающее по-

колѣннѣ. Чтобы такъ думать, довольно уже вспомнить свидѣтельство писателя, бывшаго студентомъ Казанскаго университета въ первое десятилѣтіе Александровской эпохи, С. Т. Аксакова, который въ своей «Семейной хроникѣ» говоритъ, что въ кругу студентовъ того времени «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему чистому и высокому». Затѣмъ Наполеоновскія войны еще болѣе возвысили духъ молодежи и пробудили въ ней національное чувство. Возвратившіеся изъ-за границы въ 1815 году молодые люди отличались серьезнымъ настроеніемъ, стремились къ самообразованію и проповѣдывали «строгость нравственныхъ правилъ». Въ 1818 году они уже образовали общество, извѣстное подъ именемъ «Союза Благоденствія», которое задалось цѣлію дѣйствовать воспитывающимъ и просвѣтительнымъ образомъ на своихъ соотечественниковъ: они стояли за просвѣщеніе, за гуманность, за необходимость каждому исполнять свой долгъ передъ отечествомъ, возставали противъ взятокъ и всякаго нарушенія справедливости, а также и противъ слѣпотаго подражанія иностранцамъ. Объ идеалахъ ихъ лучше всего

можно судить по самому уставу этого общества, познакомиться съ которымъ желающіе могутъ по сочиненію академика Пыпина: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», гдѣ уставъ этотъ приведенъ цѣликомъ. Чацкій у Грибоѣдова и является человѣкомъ, въ которомъ воплощены идеалы Союза Благоденствія. Авторъ умышленно составилъ Чацкаго столкнуться съ людьми совершенно противоположныхъ воззрѣній — и такимъ образомъ показать различіе между поколѣніемъ старымъ и новымъ.

Что же касается до произведенія Грибоѣдова, какъ *комедіи*, то съ этой стороны обстоятельно разсмотрѣлъ ее нашъ извѣстный писатель—Гончаровъ, въ своей статьѣ: «Мильонъ терзаній», и пришелъ къ выводу, что «Горе отъ ума» не есть только драматизированная картина нравовъ, а настоящая комедія, такъ какъ въ немъ есть живое, непрерывное *дѣйствіе*, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: «Карету мнѣ, карету!» И комедію эту Гончаровъ назвалъ «тонкой, умной, изящной и страстной». «Но—прибавилъ онъ — для зрителя она почти неудобима, потому что замаскирована типич-

ными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка— всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т.-е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами кажется блѣднымъ... Только при разѣздѣ въ сѣняхъ зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію-интригу. Но и то не надолго: передъ нимъ уже вырастаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи».

П. Смирновскій

ГОРЕ ОТЪ УМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павель Аванасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.

Софья Павловна, дочь его.

Лиза, служанка.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

Наталья Дмитриевна, молодая дама }
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея } Горичевы.

Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми.

Графиня бабушка }
Графиня внучка } Хрюмины.

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разѣздѣ.

Официанты Фамусова.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышно фортепяно съ флейтою, которыя потомъ умолкають; Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ кресель.

(Утро. Чуть день брезжится).

Лиза (вдругъ просыпается,
встаетъ съ кресель,
оглядывается).

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула;

Вчера просилась спать—отказъ:

Ждемъ друга; нуженъ глазъ да глазъ;

Не спи, покудова не скатишься со стула.

Теперь вотъ только что вздремнула—

Ужъ день!.. Сказать имъ.

(Стучится къ Софѣ).

Господа!

Эй, Софья Павловна! бѣда!

Зашла бесѣда ваша за ночь.

Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!

Сударыня!.. И страхъ ихъ не беретъ!

(Отходить отъ дверей)

Ну, гость неприглашенный,
 Быть может, батюшка войдет!
 Прошу служить у барышни влюбленной!
 (Опять къ дверямъ).

Да расходитесь.—Утро.—Что-съ?
 (Голосъ Софьи).

Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ поднялось.

Софья (изъ своей комнаты).

Который часъ?

Лиза.

Седьмой... осьмой... девятый.

Софья (оттуда же).

Неправда.

Лиза (прочь отъ дверей).

Ахъ, амуръ проклятый!

И слышать,—не хотятъ понять;

Ну, что бы ставни имъ отнять!

Переведу часы; хоть, знаю, будетъ гонка;

Заставлю ихъ играть.

(Льзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы бьютъ и играютъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза.

Ахъ! баринъ!

Фамусовъ.

Баринъ, да!

(Останавливаетъ часовую музыку).

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!

Не могъ придумать я, что это за бѣда—

То флейта слышится, то будто фортепяно:

Для Софьи слишкомъ было-бъ рано...

Лиза.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай; за вами примѣчай.

Такъ вѣрно съ умысломъ...

(Жметъ къ ней и заигрываетъ).

Охъ, зелье, баловница.

Лиза.

Вы баловникъ; къ лицу-ль вамъ эти лица?

Фамусовъ.

Скромна, а ничего кромѣ

Проказъ и вѣтру на умѣ.

Лиза.

Пустите, вѣтренники сами!..
Опомнитесь, вы старики...

Фамусовъ.

Почти.

Лиза.

Ну, кто придетъ,—куда мы съ вами?

Фамусовъ

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спить?

Лиза.

Сейчасъ започивала.

Фамусовъ.

Сейчасъ? А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала.

Фамусовъ.

Вишь, прихоти какія завелись!

Лиза.

Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.

Фамусовъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится
И въ чтеньи прокъ-отъ невеликъ;
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

Лиза.

Что встанеть, доложу-сь.
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Фамусовъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза (какъ можно громче).

Да полноте-съ!

Фамусовъ (зажимаетъ ей ротъ).

Помилуй, какъ кричишь.

Съ ума ты сходишь!

Лиза.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Фамусовъ.

Чего?

Лиза.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ

У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,
 Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь—
 Все слышать...

Фамусовъ.

Все ты лжешь.
 (Голосъ Софьи).

Эй, Лиза!

Фамусовъ.

Тсъ! (Крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ).

Лиза (одна).

Ушелъ!.. Ахъ, отъ господъ подалѣй!
 У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовъ.
 Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
 И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Лиза, Софья со свѣчкою, за ней **Молчалинъ.**

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?
 Шумишь...

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело?
 До свѣта запершись, а кажется все мало?

Софья.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!

(Тушить свѣчу).

И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите, знай,—со стороны нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка пришелъ—я обмерла;
Вертѣлась передъ нимъ, не помню что врала...
Ну, что же стали вы? поклонъ, сударь, от-
вѣсьте,

Подите... сердце не на мѣстѣ...

Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:

Валить народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Не наблюдайте—ваша власть,
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ по-
пасть.

Софья (Молчалину).

Идите!.. цѣлый день еще потерпимъ скуку .

Лиза.

Богъ съ вами!.. прочь возьмите руку!..

(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

**Лиза, Софья, Молчалинъ, Фамусовъ.
Фамусовъ.**

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?

И Софья!.. Здравствуй, Софья! что ты
Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?

И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ
свелъ.

Софья.

Онъ только что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки.

Фамусовъ.

Другъ! Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?

А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ—
Съ мужчиной, съ молодымъ! Заняты для дѣ-
вицы:

Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!

А все Кузнецкiй мостъ и вѣчные французы,
Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,

Губители кармановъ и сердець!
Когда избавить насъ Творецъ

Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шpileкъ, и
булавокъ,
И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевожу едва.

Изволили вбѣжать вы такъ проворно—
Смѣшалась. я...

Фамусовъ.

Благодарю покорно:

Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!

Я помѣшалъ! я испугалъ.

Я, Софья Павловна, разстроены самъ: день
 цѣлый
 Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно угорѣлый!
 По должности, по службѣ хлопотня,
 Тотъ пристаесть, другой, всѣмъ дѣло до меня!
 Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ
 обмануть?

Софья (сквозь слезы).

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ попрекать мнѣ стануть,
 Что безъ толку всегда журю!
 Не плачь: я дѣло говорю.
 Ужъ объ твоёмъ ли не радѣли
 Объ воспитаньи съ колыбели!
 Мать умерла—умѣлъ я принанять
 Въ мадамъ Розье вторую мать,
 Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ при-
 ставиль;
 Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ пра-
 виль.
 Одно не къ чести служить ей:
 За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей

Сманить себя другими допустила.

Да не въ мадамъ сила:

Не надобно иного образца,

Когда въ глазахъ примѣръ отца.

Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,

Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ;

Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...

Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!..

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!

Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!

Всѣ умудрились не по лѣтамъ,

А пуще дочери!.. Да сами добряки—

Дались намъ эти языки!

Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по би-
летамъ,

Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—

И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздо-
хамъ,

Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморо-
хамъ!

Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ
чему?

Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
 Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари;
 Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
 И будь не я, коптѣль бы ты въ Твери.

Софья.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
 Онъ въ домѣ здѣсь живетъ — великая на-
пасть!—

Шель въ комнату, попалъ въ другую...

Фамусовъ.

Попалъ или хотѣлъ попасть.
 Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

Софья.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
 Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
 Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
 И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложить:
 Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожить.
 Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда.

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софья.

Вамъ разсказать?

Фамусовъ.

Ну, да.

(Садится).

Софья.

Позвольте... видите-ль... сначала

Цвѣтистый лугъ, и я искала

Траву

Какую-то... не вспомню на-яву.

Вдругъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ
кого мы

Увидимъ—будто вѣкъ знакомы—

Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,

Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ..

Фамусовъ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!

Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Потомъ пропало все: луга и небеса.

Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда,

Раскрылся полъ—и вы оттуда,
 Блѣдны какъ смерть и дыбомъ волоса!
 Тутъ съ громомъ распахнулись двери,
 Какіе-то не люди и не звѣри
 Насъ врознь—и мучили сидѣвшаго со мной..
 Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ!
 Хочу къ нему—вы тащите съ собой!..
 Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохоть, свистъ
 чудовищъ!

Онъ вслѣдъ кричить!

Проснулась... кто-то говоритъ:

Вашъ голосъ былъ—что, думаю, такъ
 рано?

Бѣгу сюда—и васъ обоихъ нахожу.

Фамусовъ.

Да, дурень сонъ, какъ погляжу;

Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:

И черти, и любовь, и страхи и, цвѣты.

Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

Фамусовъ.

Забавно!

Дался имъ голосъ мой! и какъ себѣ исправно

Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ, за чѣмъ же?.. Говори!

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

Фамусовъ.

Да, ихъ не доставало!
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?
(Встаетъ).

Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;
Бываютъ странны сны, я на-яву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе..
Повыкинь вздоръ изъ головы!
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ка, лягъ, усни опять.
(Молчалину)

Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для доклада,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а
въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно.

Фамусовъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
 Чтобъ множество не накопилось ихъ;
 Дай волю вамъ—оно бы и засѣло;
 А у меня, что дѣло, что не дѣло,

Обычай мой такой:

Подписано, такъ съ плечъ долой.

(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его
 впередъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Софья, Лиза.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ и потѣха
 Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
 Въ глазахъ темно и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

Софья.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и
 судить,

Да батюшка задуматься принудить:

Брюзгливъ. неугомоненъ, скоръ.

Такой всегда, а съ этихъ поръ...

Ты можешь посудить...

Лиза.

Сужу-съ не по рассказамъ.
 Запреть онъ васъ,—добро еще со мной,
 А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
 Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой.

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своевольно!
 Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ;
 Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
 Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
 Судьба насъ будто берегла,
 Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
 А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
 Не жалуete никогда,
 Анъ вотъ бѣда!
 На что вамъ лучшаго пророка?
 Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
 Ни во вѣки вѣковъ.
 Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
 Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинами,
 А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;
 Ну разумѣется, къ тому-бъ

И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать
онъ балы;

Вотъ, на примѣръ; полковникъ Скало-
зубъ—

И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софья.

Куда какъ миль! и весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!

Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.

Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать, рѣчисть, а больно не
хитерь.

Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ и весель, и остерь,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ смутить—
Давно прошло, не воротить—

А помнится...

Софья.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣеть всѣхъ,
Болтаеть, шутить—мнѣ забавно:
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

И только, будто бы? Слезами обливался,
 Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами расста-
 вался.

«Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь».

А онъ въ отвѣтъ: «Недаромъ, Лиза,
 плачу:

Кому извѣстно, что найду я воротаъ,

И сколько, можетъ быть, утрачу!»

Бѣдняжка, будто зналъ, что года черезъ три...

Софья.

Послушай, вольности ты лишней не бери:

Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила,

И знаю, и винюсь, но гдѣ же измѣнила,

Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?

Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,

Привычка вмѣстѣ быть день каждый нераз-
 лучно

Связала дѣтскою насъ дружбой, но потомъ

Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,

И рѣдко посѣщаль нашъ домъ;

Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,

Взыскательнымъ и огорченнымъ...

Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,

Въ друзьяхъ особенно счастливъ—
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко.
Охота странствовать напала на него...

Ахъ, если любить кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки—то вѣрниѣ!

Софья.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшиѣ.
Кого люблю я—не таковъ:

Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...

Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ про-
вестъ?

Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.

Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

Софья.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,

Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго—и такъ вся ночь прохо-
дитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не
сводитъ.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не съумѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дня посѣдѣла.
(Продолжаетъ хохотать).

Софья (съ огорченіемъ).

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорять.

Лиза.

Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софья, Лиза, Слуга, за нимъ Чацкій.
Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреевичъ
Чацкій.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Софья, Лиза, Чацкій.
Чацкій.

Чуть-свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(Съ жаромъ цѣлуеть ея руку).

Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!

Что-жь, рады? нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмо-
трите

Удивлены? И только? Вотъ приѣмъ!

Какъ будто не прошло недѣли,

Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,

Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.

Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!

А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Версть больше семисотъ пронесся!.. вѣтеръ,
буря...

И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!

Софья.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако искренно кто-жъ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напоследокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ.
Сударыня, скажите сами.

Софья.

Всегда, не только что теперь;
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека:
Кто промелькнетъ, отворить дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, изъ далека—
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положимте, что такъ!

Блаженъ кто вѣруеть, тепло ему на свѣтѣ!

Ахъ, Боже мой, уже ль я здѣсь опять,
 Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
 Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,

Когда, бывало, въ вечеръ длинный
 Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
 Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
 А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
 Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ...
 Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ
 столикъ, дверь...

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,

Въ семнадцать лѣтъ вы разцвѣли преле-
 стно,

Неподражаемо, и это вамъ извѣстно—

И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.

Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,

Безъ думы; полноте смущаться.

Софья.

Да хоть кого смутятъ
 Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте: не вамъ—чему же удивляться?
 Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
 Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
 Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ даль
 промахъ;
 Все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи въ
 альбомахъ.

Софья.

Гоненье на Москву! что значить видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ.

Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба
 Старинный, вѣрный членъ до гроба?
 Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
 А этоть... какъ его?.. онъ турокъ или грекъ...
 Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавли-
 ныхъ,

Не знаю, какъ его зовутъ...

Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?..

А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?

Родныхъ миллионъ у нихъ, и съ помощью
сестрицъ

Со всей Европой породнятся.

А наше солнышко, нашъ кладъ?

На лбу написано: театръ и маскарадъ.
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи...

На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Быль спрятанъ человѣкъ и щелкаль соловьемъ —
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.

А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ
врагъ,

Въ ученый комитетъ который поселился

И съ крикомъ требоваль присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто, не зналъ и не учился?..
Опять увидѣтъ ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣсть, и въ комъ не сы-
щешь пятень?

Когда-жъ постранствуешь, воротисься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свести,
 Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечести.

Чацкій.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
 Все фрейлиной Екатерины Первой?
 Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?

Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:

Что нынче, такъ же какъ издревле,

Хлопочуть набирать учителей полки,

Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?

Не то, чтобы въ наукѣ далеки:

Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,

Намъ cadaго признать велятъ

Историкомъ и географомъ!

Нашъ менторъ—помните, колпакъ его, халать,

Персть указательный, всѣ признаки ученья,

Какъ наши робкіе тревожили умы!.

Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить

мы,

Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья

А Гильоме французъ, подбитый вѣтеркомъ,—

Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой нибудь княгинѣ
Пульхеріи Андревнѣ, на примѣръ?

Софья.

Танцмейстеры! можно ли?

Чацкій.

Что-жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и
въ чинѣ.

А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ
приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Да, двухъ, — безъ этого нельзя-жъ.

Лиза.

Но мудрено одинъ изъ нихъ скроить, какъ вашъ.

Чацкій.

По крайней мѣрѣ не надутый.
 Вотъ новости! я пользуюсь минутой,
 Свиданьемъ съ вами оживленъ,
 И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
 Что я Молчалина глуше? Гдѣ онъ, кстати?
 Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
 Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
 Увидить—пристаетъ: пожалуйста списать.
 А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣ-
 стныхъ—
 Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

Софья. (Въ сторону).

Не человекъ, змѣя!

(Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:

Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
 Ошибкою, добро о комънибудь сказали?

Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ
 быть?

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:

Звонками только что гремя,

И день и ночь по снѣговой пустынѣ,

Спѣшу къ вамъ, голову сломя,

И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ
чинѣ!

Вотъ полчаса холодности терплю!

Лицо святѣйшей богомолки!

И все таки я васъ безъ памяти люблю.

(Минутное молчаніе).

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки

И клонятся къ чьемунибудь вреду?

Но еслитакъ—умъ съ сердцемъ не въ ладу:

Я въ чудакахъ иному чуду

Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;

Велите-жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.

Софья.

Да, хорошо—сторите, если-жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!
 (Уходитъ).

Фамусовъ (ей вслѣдъ вполголоса).

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Фамусовъ, Чацкій (смотритъ на дверь,
 въ которую Софья
 вышла).

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
 Три года не писалъ двухъ словъ
 И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ!
 (Обнимаются).
 Здорово, другъ! здорово, братъ, здо-
 рово!
 Разсказывай, чай у тебя готово
 Собранье важное вѣстей?
 Садись-ка, объяви скорѣй!
 (Садятся).

Чацкій (Разсѣянно).

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

«Сонъ въ руку» — мнѣ она изволила шепнуть —
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей — все пустое

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ;
 Вѣкъ не встрѣчалъ—подписку дамъ ---
 Что-бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все свое. Да расскажи подробно,
 Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
 Откудава теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того ли!
 Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
 И не объѣхалъ сотою доли.

(Встаетъ поспѣшно).

Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
 Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
 Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду,
 Вамъ первымъ, вы потомъ рассказываете всюду.

(Въ дверяхъ.)

Какъ хороша!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Фамусовъ.

Который же изъ двухъ?

«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»

И говорить мнѣ это вслухъ!

Ну, виновать. Какого-жъ даль я крюку!

Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня;

Теперь... да въ полмя изъ огня:

Тотъ нищій, этотъ франтъ-приятель,

Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...

Что за комиссія, Создатель,

Быть взрослой дочери отцомъ!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ и слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,—
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка кален-
дарь.

Читай, не такъ какъ пономарь,

* А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ раз-
 становкой.

Постой же. На листѣ черкни на записномъ
 Противу будущей недѣли:

Къ Прасковѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
 Во вторникъ званъ я на форели.

Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
 Пофилософствуй—умъ вскружится!

То бережешься, то обѣдъ:

Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится.

Отмѣть-ка: въ тотъ же день... Нѣтъ,
 нѣтъ...

Въ четвергъ я званъ на погребенье.

Охъ, родъ людской! пришло въ заб-
 венье,

Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,

Въ тотъ ларчикъ, гдѣни стать, нисѣсть.

Но память по себѣ намѣренъ кто оставить

Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:

Покойникъ былъ почтенный камергеръ,

Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ до-
 ставить;

Богатъ, и на богатой былъ женатъ;

Пережилъ дѣтей, внучатъ;

Скончался—всѣ о немъ прискорбно поминаютъ;

Кузьма Петровичъ! миръ ему!

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

Пиши въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
 А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,—
 Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.

Она не родила, но по расчету,
 По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Фамусовъ, Слуга, Чацкій.

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ,
 Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ (Слугѣ).

Поди.

(Слуга уходитъ).

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
 Забудется, того гляди.

Чацкій.

Вы что-то невеселы стали;

Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
 Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
 Не приключилось ли печали?
 У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
 Не веселья!.. Въ мои лѣта
 Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ;
 Я только что спросилъ два слова
 Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
 Твердитъ одно и то же!
 То Софья Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
 То Софья Павловна больна!
 Скажи, тебѣ понравилась она?
 Обрыскалъ свѣтъ, — не хочешь ли же-
 ниться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
 Въдъ я ей нѣсколько сродни—
 По крайней мѣрѣ искони
 Отцомъ недаромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

+ Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
 Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
 А главное—поди-ка послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ—прислуживаться
тошно!

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
 Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
 Учились бы, на старшихъ глядя.
 Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
 Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
 На золотѣ фдаль; сто человекъ къ услугамъ;

Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цу-

гомъ

Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!

Тогда не то, что нынѣ,—

При государынѣ служилъ Екатеринѣ.

А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ
пудь!..

Раскланяйся—тупеемъ не кивнуть.

Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,

Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.

А дядя! что твой князь, что графы!

Серьезный взглядъ, надменный

нравъ!

Когда же надо подслужиться,

И онъ сгибался въ перегибъ.

На куртагѣ ему случилось оступиться—

Упалъ, да такъ, что чуть затылка не про-
шибъ.

Старикъ заохалъ; голосъ хрипкой!..

Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—

Изволили смѣяться. Какъ же онъ?

Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать по-
клонъ—

Упалъ въ другорядъ—ужъ нарочно!

А хохоть пуще. Онъ и въ третій также точно.

А? какъ по вашему?.. По нашему, смышленъ:

Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
 За то, бывало, въ вистъ кто чаще пригла-
 шень?

Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
 Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ
 почетъ?

Максимъ Петровичъ! Шутка!
 Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
 Максимъ Петровичъ! Да. Вы, нынѣшніе,
 нутка!

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
 Сказать вы можете вздохнувши;
 Какъ посравнить, да посмотрѣть
 Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—
 Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
 Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали
 лбомъ—

Стучали объ полъ, не жалѣя!

Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
 А тѣмъ, кто выше, лестъ, какъ кружево плели.

Прямой былъ вѣкъ покорности и
 страха,

Все подъ личиною усердія къ царю!

Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю, —
 Его не возмутимъ мы праха, —
 Но между тѣмъ, кого охота забереть,
 Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пыл-
 комъ,
 Теперь, чтобы смѣшить народъ,
 Отважно жертвовать затылкомъ?
 А сверстничекъ, а старичокъ
 Иной, глядя на тотъ скачокъ
 И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
 Чай приговариваль: ахъ, еслибы мнѣ тоже!
 Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
 Да нынче смѣхъ страшить и держать стыдъ
 въ уздѣ.
 Недаромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

Фамусовъ.

Опасный человекъ!

Чацкій.

Вольнѣ всякій дышетъ,

И не тояспитя вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что говорить!—и говорить, какъ пи-
шетъ!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стуль, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочеть проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаеть!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣль подѣзжать къ столи-
цамъ!

Чацкій.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно,—
Предоставляю вамъ во власть:

Откиньте часть

Хоть нашимъ временамъ въ при-
дачу,—

Ужъ такъ и быть, я не поплачу.

Фуамсовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю.

Чацкій.

Я досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши.

Чацкій.

На что-жь? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ (скороговоркой).

Вотъ рыскають по свѣту, бьютъ ба-
клуши,

Воротятся—отъ нихъ порядка жди!..

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНИЕ III.

Слуга (входитъ).

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ (ничего не видитъ и
не слышитъ).

Тебя ужъ упекутъ

Подъ судъ—какъ пить дадутъ.

Чацкій.

Пожаловаль къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ челоуѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь—вась зовуть.

Фамусовъ (оборачивается).

А? бунтъ? Ну, такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ (встаетъ).

Ослы! сто разъ вамъ повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать что
дома,

Что очень радъ. Пошелъ же, торолись!
(Слуга уходитъ).

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:

Извѣстный человекъ, солидный,

И знаковъ тьму отличья нахваталъ!

Не по лѣтамъ и чинъ завидный—

Не нынче, завтра—генераль!

Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.

Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!

Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;

Я всякому, ты знаешь, радъ.

Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:

Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!

Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ
 душой,

Да надобности самъ не вижу я большей
 Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня!
 Вѣдь Софья молода. А впрочемъ, власть Гос-
 подня.

Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь
 и вкось,

И завиральныя идеи эти брось.

Однако нѣтъ его! какую бы причину...

А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.
 (Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій.

Какъ суетится! что за прыть!

А Софья? Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха ка-
 кого.

Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужого!
 Какъ здѣсь бы ей не быть?

Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бре-
 дить.

А можетъ быть не только что отецъ...

Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ,
 Прошу покорно, здѣсь теплѣе;
 Прозябли вы—согрѣемъ васъ;
 Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

Скалозубъ (густымъ басомъ).

Зачѣмъ же лазить, напрымѣрь,
 Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офи-
 церъ.

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?
 Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
 Кладите шляпу, сдѣньте шпагу;
 Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
 (Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:
 Позвольте намъ своими счесться,

Хоть дальними—наслѣдства не дѣлать.

Не знали вы,—а я подавно,—

Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ,—
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виновать:

Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?

Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, полз-
комъ;

Сыщу ее на днѣ морскомъ!

При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;

Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,

И то затѣмъ, что дѣловой.

Какъ станешь представлять къ крестинку
иль къ мѣстечку,

Ну, какъ не порадовать родному человѣчку!..

Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тѣму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ бра-
томъ

Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ
 пятомъ.

Фамусовъ.

Да! счастье у кого есть эдакой сынокъ!
 Имѣеть, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею;
 Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ!
 Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ
 братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ пра-
 виль:
 Чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ
 оставилъ,
 Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ
 хватъ!..

Вы повели себя исправно:
 Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ —
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.
 У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
 Объ нашемъ хотъ сказать бригадномъ гене-
 ралѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуясь, не обходили;
 Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь ли за полкомъ?
 Зато, конечно, въ чемъ другомъ
 За вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:

Я съ восемьсотъ девятаго служу.

Да, чтобъ чины добыть есть многіе каналы;

Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу—

Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровье вамъ

И генеральскій чинъ; а тамъ—

Зачѣмъ откладывать бы дальше—

Рѣчь завести объ генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть,
дочь...

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ пе-
ревода;

Чего? плодятся годъ отъ года!

А, батюшка, признайтесь, что едва

Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
 На все свои законы есть:
 Вотъ, на примѣръ, у насъ ужъ изстари ве-
 дется,

Что по отцу и сыну честь;
 Будь плохенькій, да если наберется
 Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
 Тотъ и женихъ.

Другой хоть притче будъ, надутый всякимъ
 чванствомъ,

Пускай себѣ разумникомъ слыви,
 А въ семью не включатъ, на насъ не подиви.
 Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворян-
 ствомъ!

Да это ли одно?.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
 Кто хочетъ къ намъ пожаловать—из-
 воль,

Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
 Особенно изъ иностранныхъ;

Хоть честный человекъ, хоть нѣтъ—
 Для насъ ровнехонько — про всѣхъ готовъ
 обѣдъ.

Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
 На всѣхъ московскихъ есть особый отпеча-
 токъ.

Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
 На юношей, сынковъ и внучать:
 Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
 Въ пятнадцать лѣтъ учителей научать!
 А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
 Засудятъ о дѣлахъ: что слово—приговоръ!
 Вѣдь столбовые все; въ усъ никому не дуютъ
 И объ правительствѣ иной разъ такъ тол-
 куютъ,
 Что если-бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
 Не то, чтобъ новизны вводили—никогда,
 Спаси насъ Боже!.. Нѣтъ... А приде-
 рутся
 Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему.
 Пospорятъ, пошумятъ—и... разойдутся.
 Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
 Я вамъ скажу, знать время не при-
 спѣло,
 Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
 А дамы?—сунься кто, попробуй, овладѣй;
 Судьи всему вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
 За картами когда возстанутъ общимъ бун-
 томъ—
 Дай Богъ терпѣніе! вѣдь самъ я былъ же-
 нать.
 Скомандовать велите передъ фронтомъ!

Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣви-
цамъ—

Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно, можно ли воспитаннѣе быть!
+ Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ
ужимкой;

Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скалзубъ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ укра-
шенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтять!

Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
 Дома и все на новый ладъ.

Чацкій.

Дома новы, но предрасудки стары.
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ (Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ;
 Просиль я помолчать—не велика услуга.
 (Скалозубу).
 Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ
 друга,
 Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
 Не служить, то есть въ томъ онъ пользы не
 находить;
 Но захоти, такъ былъ бы дѣловой.
 Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
 И славно пишетъ, переводить.
 Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя ли пожалѣть о комънибудь другомъ?
 И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ—всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
 Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
 Сужденья черпають изъ забытыхъ газетъ
 Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
 Всегда готовые къ журбѣ,
 Поютъ все пѣснь одну и ту же,
 Не замѣчая о себѣ,
 Что старѣе, то хуже.

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
 Которыхъ мы должны принять за образцы?

Не эти ли, грабительствомъ богаты,
 Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ
 родствѣ,

Великолѣпныя соорудя палаты,
 Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
 И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы
 Прошедшаго житья подлѣйшія черты!

Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
 Обѣды, ужины и танцы? X

Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пелень,
 Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,

Дитей возили на поклонъ?

Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
 Толпою окруженный слугъ?

Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
 И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
 На нихъ онъ вымѣняль борзыхъ три собаки!
 Или вонъ тотъ еще, который для затѣй
 На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ
 фурахъ

Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ дѣтей?
 Самъ погружень умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
 Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
 Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:

Амуры и зефиры всѣ
 Распроданы по одиночкѣ!

Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
 Вотъ уважать кого должны мы на безлюдь!
 Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!

Теперь пускай изъ насъ одинъ,
 Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
 Не требуя ни мѣсты, ни повышенья въ чинъ,
 Въ науки онъ вперить умъ, алчущій познаній;
 Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
 Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и
 прекраснымъ, —

Они тотчасъ: разбой! пожаръ!

И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
 Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ
 ихъ быту

Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
 Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;

И намъ за ними въ путь счастливый!
 И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же
 страсть
 Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности от-
 рекся?

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.

Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?
 Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,

Сюда на время пріѣзжали,
 Кричали женщины: ура!
 И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ (про себя).

Ужь втянетъ онъ меня въ бѣду.
 (Громко).

Сергѣй Сергѣичъ, я пойду,
 И буду ждать васъ въ кабинетѣ.
 (Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
 Искусно какъ коснулись вы
 Предубѣжденія Москвы

Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ
къ гвардіонцамъ.

Ихъ золоту, шитью дивятся будто солндамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Скалозубъ, Чацкій, Софья, Лиза.

Софья (бѣжитъ къ окну).

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!..
(Падаеть въ обморокъ).

Чацкій.

Кто?

Кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху.

Скалозубъ.

Да кто? откудава?

Горе отъ ума.

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ ли нашъ даль маху?

Лиза (хлопочетъ около барышни).

Кому назначено-съ— не миновать судьбы!

Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,

А лошадь на дыбы—

Онъ объ землю— и прямо въ темя.

Скалозубъ.

Поводья затанулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!

Взглянуть, какъ треснулся онъ — грудью или

въ бокъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, безъ Скалозуба.

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполголоса до того, какъ Софья очнется).

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налить.

Шнуровку отпусти вольнѣе,
 Виски ей уксусомъ потри,
 Опрыскивай водой. Смотри:
 Свободнѣе дыханье стало...
 Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно—

Молчалинъ на ногахъ давно!
 Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза.

Да-съ, барышнинъ несчастень нравъ:
 Со стороны смотрѣть къ можетъ,
 Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою.
 Вотъ такъ. Еще.. Еще.

Софья (съ глубокимъ вздохомъ).

Кто здѣсь со мною?

Я точно какъ во снѣ...

(Торопко и громко).

Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею—

Васъ чуть было не уморилъ.

Софья.

Убийственны холодностью своею!

Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту
 силъ.

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему ста-
 раться!

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?

Да правда: не свои бѣды для васъ забавы.

Отець родной убейся—все равно.

(Лизѣ).

Пойдемъ туда, бѣжимъ...

Лиза (отводить ее въ сторону)

Опомнитесь! куда вы?

Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ
окно.

(Софья высовывается въ окошко).

Чацкій.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ
испуга!..

Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

Софья.

Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять!..

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаньи?

Софья.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ
 (съ подвязанной рукой).

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ! рука
 Ушиблена слегка;
 А впрочемъ все фальшивая тревога.

Молчалинъ

Я васъ перепугалъ; простите, ради Бога.

Скалозубъ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
 Вамъ irritація—опрометью вбѣжали,
 Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали—
 И что-жь?—весь страхъ изъ ничего

Софья (не глядя ни на кого).

Ахъ! очень вижу: изъ пустава,
 А все еще теперь дрожу.

Чацкій (про себя).

Съ Молчалинымъ ни слова!

Софья (по прежнему).

Однако о себѣ скажу.

Что не труслива. Такъ бываетъ,
 Карета свалится, поднимутъ—я опять
 Готова съизнова скакать;
 Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
 Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
 Хоть незнакомый мнѣ—до этого нѣтъ дѣла.

Чацкій (про себя).

Прощенья просить у него,
 Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, расскажу вамъ вѣсть:
 Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
 Наѣздница, вдова,—но иѣтъ примѣровъ,
 Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—
 На дняхъ расшиблась въ пухъ:
 Жокей не поддержалъ—считалъ онъ, видно,
 мухъ.

И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,
 Теперь ребра недостаетъ,
 Такъ для поддержки ищеть мужа.

Софья.

Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ
 Явитесь вы вполнѣ великодушны:
 Къ несчастью ближняго вы такъ неравно-
 душны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
 Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ.
 И прысканьемъ, и оттираньемъ...
 Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.
 (Береть шляпу и уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Софья.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано!

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе, друзья
 Потанцовать подъ фортепьяно.
 Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я общался...
 Откланяюсь.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ (жметъ руку Молчалину).

Вашъ слуга.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ХІ.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разумъ цѣль
остался!

Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?

Скажите, какъ у васъ съ рукой?

Не дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлите къ доктору: пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязаль — не больно мнѣ съ
тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если-бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ
И Скалозубъ, какъ свой хохоль закру-
титъ,

Разскажетъ обморокъ, прибавить сто прикрась,
Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не
шутить!

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?

Хочу—люблю, хочу—скажу

Молчалины! будто я себя не принуждала?

Вошли вы—слова не сказала;

При нихъ не смѣла я дохнуть,

У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть?

Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.

Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей все-
 ленной?

Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть
 бранятъ.

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

Софья.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета...

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь;
 Вотъ кабы вы порхнули въ дверь
 Съ лицомъ веселымъ, беззаботно.
 Когда намъ скажутъ что хотимъ,
 Куда какъ вѣрится охотно!
 И Александръ Андреичъ— съ нимъ
 О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
 Поразвернитесь-ка въ разказахъ;
 Улыбочка и пара словъ—
 И кто влюбленъ—на все готовъ.

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю.
 (Цѣлуетъ ей руку).

Софья.

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слезъ;
 Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю.
 Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое! (Хочетъ ее обнять).
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

ЕеПо должности, тебя...

Лиза.

Отъ скуки?

Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,

Кругомъ все прорѣзь, позолота;
 Подушечка, изъ бисера узоръ,
 И перламутровый приборъ:
 Игольничекъ и ножинки—какъ милы!
 Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
 Помада есть для губъ и для другихъ причинъ;
 Съ духами сткляночки: резѣда и жасминъ.

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
 Скажите лучше, почему
 Вы съ барышней скромны, а съ горничной
 повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я; обвязки не сниму.
 Приди въ обѣдъ, побудь со мною,
 Я правду всю тебѣ открою.
 (Уходить въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Софья и Лиза.

Софья.

Была у батюшки,—тамъ нѣту никого.
 Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
 Скажи Молчалину и позови его,
 Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
 (Уходить къ себѣ въ комнату)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Лиза.

Ну, люди въ здѣшной сторонѣ!

Она къ нему, а онъ ко мнѣ!

А я... одна лишь я любви до смерти трушу!

А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чацкій, потомъ Софья.

Чацкій.

Дождусь ея и вынужу признанье:

Кто, наконецъ, ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?

Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!..

Жалчайшее созданье!

Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ—

Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,

Созвѣздіе маневровъ и мазурки!

Судьба любви--играть ей въ жмурки.

А мнѣ...

(Входитъ Софья).

Вы здѣсь? я очень радъ,

Я этого желалъ.

Софья, (про себя)

И очень не впопадъ.

Чацкій.

Конечно не меня искали?

Софья.

Я не искала васъ!

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ:
Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе родные

Чацкій

Всѣ болѣе меня?

Софья.

Иные.

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено!

Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно.

Софья.

Хотите ли знать истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть
видна—

Веселость ваша не скромна:

У васъ тотчасъ ужъ острота готова,
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? не правда ли, смѣшонъ?

Софья.

Да! грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна,
А надъ собой гроза куда не бесполезна.

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ—
Молчалинъ, напримѣръ...

Софья.

Примѣры мнѣ не новы.
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы;
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.

Чацкіі (держитъ се)

Постойте же! (Въ сторону). Разъ въ жизни
притворюсь. (Громко).

Оставимте мы эти пренья.

Передъ Молчалинымъ не правъ я, виновать;
Быть можетъ онъ не то, что три года назадъ:

Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;
Есть люди важные, слыли за дураковъ,
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ
свѣтомъ,

Особенно въ послѣдніе года,

Что стали умны хоть куда!

Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкіи, геній
смѣлый,

Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство,
пылкость та,

Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?

Чтобъ сердца каждое биење

Любовью ускорялось къ вамъ?

Чтобъ мысямъ были и всѣмъ его дѣламъ

Душою—вы, вамъ угожденье?...

Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;

Но что теперь во мнѣ кипить, волнуешь,
бѣснѣть,

Не пожелалъ бы я и личному врагу,
А онъ?.. смолчить и голову повѣснѣть.

Конечно смиренъ—всѣ такіе не рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна
скрыта;

Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита.

Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему:

Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ
грѣшнѣе.

Нѣтъ, нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу
умнѣе,

Но васъ онъ стоитъ ли? вотъ вамъ одинъ
вопросъ.

Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,

Какъ другу вашему какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;

Потомъ

Отъ сумасшествія могу я остеречься;
Пущусь подалѣе простыть, охолодѣть,
Не думать о любви, но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься.

Софья (прѣд себя).

Вотъ нехотя съ ума свела! (Вслухъ).

Что притворяются?

Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться,

Я живо въ немъ участие приняла;

А вы случась на эту пору,

Не позаботились расчесть,

Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ
 разбору;

Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,

И горячо его беру я подъ защиту:

Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,

Такъ невоздержну на языкъ?

Въ презрѣнны къ людямъ такъ не-
 скрыту,

Что и смиренѣйшему пощады нѣтъ?.. чего! —

Случись кому назвать его —

Градъ колкостей и шутокъ вашихъ гря-
 нетъ.

Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это
 станеть?..

Чацкий.

Ахъ, Боже мой! неужели я изъ тѣхъ,

Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?

Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Софья.

Напрасно это вы относите къ другимъ:
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій (съ жаромъ).

Зачѣмъ же вы его коротко такъ узнали?

Софья.

Я не старалась. Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ прио-
брѣлъ.

При батюшкѣ три года служить,
Тотъ часто безъ толку сердить,
А онъ безмолвіемъ его обезоружить,
Отъ доброты души простить;

И между прочимъ
Веселостей искать бы могъ—

Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвимся, хохочемъ,—
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не
радъ

Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчить, когда его бранятъ!.. (Въ сто-
рону).

Она его не уважаетъ!

Софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опроти-
вить,

Который свѣтъ ругаетъ наповаль,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь
сказалъ.

Да этакой ли умъ семейство осчастливить?

Чацкій.

Сатира и мораль смыслъ этого всего? (Въ сто-
рону).

Она же ставитъ въ грошъ его.

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скромень,
тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,

И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь и вкось не ру-
бить—

Вотъ я за что его люблю.

Чацкій (въ сторону).

Шалить! она его не любитъ. (Вслухъ).

Докончить я вамъ пособлю

Молчалина изображенье.

Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!

За армію стоитъ горой

И прямизною стана,

Лицомъ и голосомъ герой...

Софья.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Чацкій, Софья, Лиза.

Лиза (шопотомъ).

Сударыня, за мной сейчасъ

Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй,

Чацкій.

Куда?

Софья.

Къ парикмахеру.

Чацкій.

Богъ съ нимъ...

Софья.

Щипцы простудить.

Чацкій.

Пускай себѣ...

Софья.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моею загад-
кой.

Однако, дайте мнѣ зайти хотя украдкой
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько ми-
нутъ;

Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно!..

Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспомянiя объ томъ, что невозвратно!

Не засижусь, войду, всего минуты двѣ. .

Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ

Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.
 (Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запи-
 рается; за нею Лиза).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій, потомъ **Молчалинъ**.

Чацкій.

Ахъ, Софья! Неужели Молчалинъ избранъ ей!
 А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только
 мало;

Но чтобъ имѣть дѣтей,

Кому ума не доставало?

Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ
 есть.

(Входитъ Молчалинъ).

Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и не богатъ сло-
 вами...

Какою ворожкой умѣлъ къ ней въ сердце
 влѣзть!

(Обращается къ нему).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
 Не удалось сказать двухъ словъ.
 Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
 Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ
пера?

И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архи-
вамъ,

Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:

Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины; по службѣ не успѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,

А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ.

Чацкій.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣ-
чались.

Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это полно та-ли-съ?

Татьяна Юрьевна!.. извѣстная... Притомъ

Чиновные и должностные

Всѣ ей друзья и всѣ родные.

Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить
вамъ...

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за
этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!

Балы даетъ, нельзя богаче,

Отъ Рождества и до Поста,

И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ
служить?

И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ,—я отъ веселій пря-
чусь;

Когда дурачиться,—дурачусь;

А смѣшивать два эти ремесла

Есть тьма охотниковъ; я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу престу-
пленья

Вотъ самъ Оома Оомичъ—знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что-жъ?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ
отдѣленья;
Переведенъ сюда...

Чацкій.

Хорошъ!

Пустѣйшій человекъ, изъ самыхъ безтолко-
выхъ!

Молчалинъ.

Какъ можно? слогъ его здѣсь ставятъ въ обра-
зецъ!

Читали вы?

Чацкій.

Видишь, что за человекъ.
Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью про-
честь;

Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнестъ..

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребята;
 Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій (почти громко).

Съ такими чувствами, съ такой душою,
 Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!.

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ). Слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говорить:

Эй, Филька, Өомка, ну, ловчѣй!

Столы для картъ, мѣль, щетокъ и свѣчей!

(Стучится къ Софьѣ въ дверь).

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:

Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу

Еще подѣхала карета.

(Расходятся; остается одинъ Чацкій).

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Наталья Дмитриевна (молодая дама).

Наталья Дмитриевна.

Не ошибаюсь ли?.. Онъ точно, по лицу...

Ахъ, Александръ Андреичъ, вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы; Неужто такъ меня три года измѣнили?

Горе отъ ума.

Наталья Дмитриевна.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

Чацкій.

Нынче лишь.

Наталья Дмитриевна.

На долго?

Чацкій.

Какъ случится.

Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чер-
тахъ.

Наталья Дмитриевна.

Я замужемъ.

Чацкій.

Давно бы вы сказали.

Наталья Дмитриевна.

Мой мужъ, прелестный мужъ, вотъ онъ сей-
часъ войдетъ;
Я познакомлю васъ,—хотите?

Чацкій.

Прошу.

Наталья Дмитріевна.

И знаю напередъ,
 Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ-съ! не потому,
 Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
 Платонъ Михайлычъ мой единственный, без-
 цѣнный!
 Тепері въ отставку, былъ военный,
 И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
 Что съ храбростью его, съ талантомъ
 Когда бы службу продолжалъ,
 Конечно былъ бы онъ московскимъ комендан-
 томъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, Платонъ Михай-
 ловичъ.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

Чацкій.

Ба!

Другъ старый, мы давно знакомы! Вотъ
судьба!

Платонъ Михайловичъ.

Здорово, Чацкій, братъ!

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

Платонъ Михайловичъ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій.

Забить шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ, есть таки занятя:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ, всего до-
роже.

Платонъ Михайловичъ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь!
 Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и тоже.

Чацкій.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь
 дань?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ скло-
 нень разнымъ,
 Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смот-
 рамъ,
 Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть
 празднымъ?
 Въ полкъ!—эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или
 штабъ?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень
 слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

Наталья Дмитриевна.

Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитриевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои по-
губить?

Чацкій.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь преждее?

Платонъ Михайловичъ.

Да, братъ; теперь не такъ...

Наталья Дмитриевна.

Ахъ, мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь и растегнулъ жилеть.

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитриевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый,—застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ (равнодушно).

Сейчасъ.

Наталья Дмитриевна.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитриевна.

Мой ангелъ, Бога ради.
Отъ двери дальше отойди.

Платонъ Михайловичъ (глаза къ
небу).

Ахъ, матушка!

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталь не тотъ въ короткое ты
время!

Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро,—ногу въ
стремя

И носишься на борзомъ жеребцѣ;
 Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ
 тыла.

Платонъ Михайловичъ (вздыхаетъ).

Эхъ, братецъ, славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНІЕ VII.

**Тѣ же, князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью
 дочерьми.**

Наталья Дмитріевна (тоненькимъ
 голоскомъ).

Князь Петръ Ильичъ, княгиня! Боже
 мой!

Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматри-
 ваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1-я княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна.

Какія складочки!

1-я княжна.

Обшито бахромой.

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ, если-бъ видѣли мой тюрлюрю атлас-
 ный!

3-я княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна.

Ахъ, да!—барежевый!

5-я княжна.

Ахъ, прелесть!

6-я княжна.

Ахъ, какъ миль!

Княгиня.

Ссъ! Кто это въ углу,—вошли мы,—поклонился?

Наталья Дмитріевна.

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.

От-став-ной?

Наталья Дмитріевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна.

Да, не женать.

Княгиня.

Князь, князь! сюда—живѣе.

Князь (къ ней оборачваеъ
 слуховую трубку).

О-хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси
 скорѣ
 Натальи Дмитревны знакомаго; вонъ онъ!

Князь.

И-хмъ!

(Отправляеъся, вѣеъся около Чацкаго и покашливаеъ).

Княгиня.

Вотъ то-то дѣтки!
 Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ:
 Танцовщики ужасно стали рѣдки!..
 Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитриевна.

Нѣтъ.

Княгиня.

Богатъ?

Наталья Дмитриевна.

О, нѣтъ!

Княгиня.

Князь, князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка.

Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано при-
ѣзжаетъ?

Мы первыя! (Пропадаетъ въ боковую
комнату).

Княгиня.

Вотъ насъ честить!

Вотъ первая, и насъ за никого считаетъ!

Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужь Богъ ее
простить!

Графиня внучка (вернувшись, на-
правляетъ на Чац-
каго двойной лор-
нетъ).

Мсьё Чацкій! вы въ Москвѣ? Какъ были, все
такіе!

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Графиня внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?
 О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ спра-
 вокъ,
 Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
 Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Несчастные! должны-ль упреки вестъ
 Отъ подражательницъ модисткамъ
 За то, что смѣли предпочестъ
 Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ
 Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ
 въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч.
 Софья отъ себя выходитъ; всѣ ей на встрѣчу.

Графиня внучка.

Eh, bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
 Vous nous donnez toujours le plaisir de l'at-
 tente.

Загорѣцкій.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ.

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто
взялся

Другой вамъ услужить. Зато

Куда я ни кидался?

Въ контору—все взято,

Къ директору—онъ мнѣ пріятель—

Съ зарей въ шестомъ часу, и кста-
ти-ль?

Ужъ съ вечера никто достать не могъ;

Къ тому, къ сему,—всѣхъ сбиль я съ
ногъ.

И вотъ, наконецъ, похитилъ уже силой

У одного: старикъ онъ хилый,

Мнѣ другъ, извѣстный домоствѣдъ,—

Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,

А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какіе. Между тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходить къ мужчинамъ).

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ!..

Платонъ Михайловичъ.

Прочы

Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ мо-
 рочь.

Я правду объ тебѣ поразскажу такую,
 Что хуже всякой лжи. (Чацкому). Вотъ, братъ,
 рекомендую!

Какъ этакихъ людей учтивѣ зовуть,
 Нѣжнѣ? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

При немъ остерегись: переносить горады!
 И въ карты не садись: продасть!

Загорѣцкій.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей
 злобы!

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы...
 Окромѣ честности есть множество отрадь:
 Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарять.

Платонъ Михайловичъ.

Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.

(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

ЯВДЕНИЕ Х.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова (Софѣѣ).

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
 Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Му-
 ченье!

Часъ битый ѣхали съ Покровки—силы нѣтъ
 Ночь—свѣта преставленье!

Отъ скуки я взяла съ собой

Арапку-дѣвку, да собачку.

Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,

Отъ ужина сошли подачку.

Княгиня, здравствуйте! (Сѣла). Ну, Софьюш-
 ка, мой другъ,

Какая у меня арапка для услугъ!

Курчавая, горбомъ лопатки!

Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!

Да какъ черна! да какъ страшна!

Вѣдь создалъ же Господь такое племя!

Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...

Позвать ли?

Софѣя.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлестова.

Представь, ихъ какъ звѣрей выводятъ на по-
казъ.

Я слышала, тамъ... городъ есть турец-
кій...

А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?

Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

(Загорѣцкій выставляется впередъ).

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ:

(Загорѣцкій исчезаетъ).

Я отъ него было и двери на запоръ,

Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Пра-
сковѣ

Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;

Купилъ, онъ говоритъ, — чай, въ карты сплу-
товалъ;

А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій (со смѣхомъ Платону
Михайловичу).

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!

И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

Хлестова.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья.

Вотъ этоть? Чацкій.

Хлестова.

Ну, а что нашель смѣшного?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.

Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцевала,
Я за уши его дирала,—только мало.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тъ же и Фамусовъ.

Фамусовъ (громогласно).

Ждемъ князь Петръ Ильича,

А князь ужъ здѣсь!—а я забился тамъ въ
портретной.

Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?

Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ за-
мѣтный,

Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова.

Творецъ мой! оглушилъ: звонче всякихъ
трубъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тъ же и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!

А мы васъ ждали, ждали, ждали!

(Подводитъ къ Хлестовой).

Моя невѣстушка, которой ужъ давно

Объ васъ говорено.

Хлестова (сидя).

Вы прежде были здѣсь... въ полку, въ томъ..*

гренадерскомъ?

Скалозубъ (басомъ).

Въ его высочества, хотите вы сказать,

Ново-землянскомъ мушкатерскомъ?

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:

Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ (Скалозубу).

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я посмѣшу

Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь,
прошу!

(Его и князя уводитъ съ собою).

Хлестова (Софья).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!

Вѣдь полоумный твой отецъ:

Дался ему трехъ сажень удалецъ,

Знакомить, не спросясь, приятно ли намъ,
нѣтъ ли?

Молчалинъ (подаетъ ей карту).

Я вашу партію составилъ. мосьё Кокъ,
Оома Оомичъ и я.

Хлестова.

Спасибо, мой дружокъ! (Встаетъ).

Молчалинъ.

Вашъ шпигъ—прелестный шпигъ! не болѣе
наперстка!

Я гладилъ все его: какъ шелковая—шерстка!

Хлестова.

Спасибо, мой родной!

(Уходитъ, за нею Молчалинъ и многіе другіе).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе дѣйствія расходятся.

Чацкій.

Ну, тучу разогналъ...

Софья.

Нельзя-ль не продолжать!

Чацкій.

Чѣмъ васъ я напугалъ?

За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...

Софья.

А кончили бы злостью.

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:

Старушки всѣ народъ сердитый;

Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаме-
нитый

Тутъ былъ какъ громовой отводъ.—

Молчаливъ!—Кто другой такъ мирно все ула-
дить?

Тамъ моську во-время погладить.
 Тутъ въ пору карточку вотреть;
 Въ немъ Загорѣцкій не умереть!

Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
 Но многія забыли—да.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Софья, потомъ Г. Н.

Софья (про себя).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
 Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
 Унизить радъ, кольнуть,—завистливъ, гордъ
 и золы!

Г. Н. (подходить).

Вы въ размышленьи.

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. Н.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. Н.

Ужли съ ума сошелъ?

Софья (помолчавши).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. Н.

Однако есть примѣты?

Софья (смотреть на него пристально).

Мнѣ кажется...

Г. Н.

Какъ можно, въ эти лѣты!

Софья.

Какъ быть! (Въ сторону).

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно-ль на себѣ примѣрять?
(Уходить).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Г. Н. потомъ **Г. Д.**

Г. Н.

Съ ума сошелъ!.. Ей кажется... вотъ на!

Не даромъ, стало быть... съ чего-бъ взяла она?

Ты слышалъ?

Г. D.

Что?

Г. N.

Объ Чацкомъ?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

Съ ума сошелъ.

Г. D.

Пустое!

Г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D.

А ты разславить это радъ?

Г. D.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто-нибудь да знаетъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Г. D., потомъ Загорѣцкій.

Г. D.

Вѣрь болтуну!

Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?

Г. Д.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А, знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай
вышелъ:

Его въ безумные упряталъ дядя плутъ...
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпи поса-
дили.

Г. Д.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ,
тутъ.

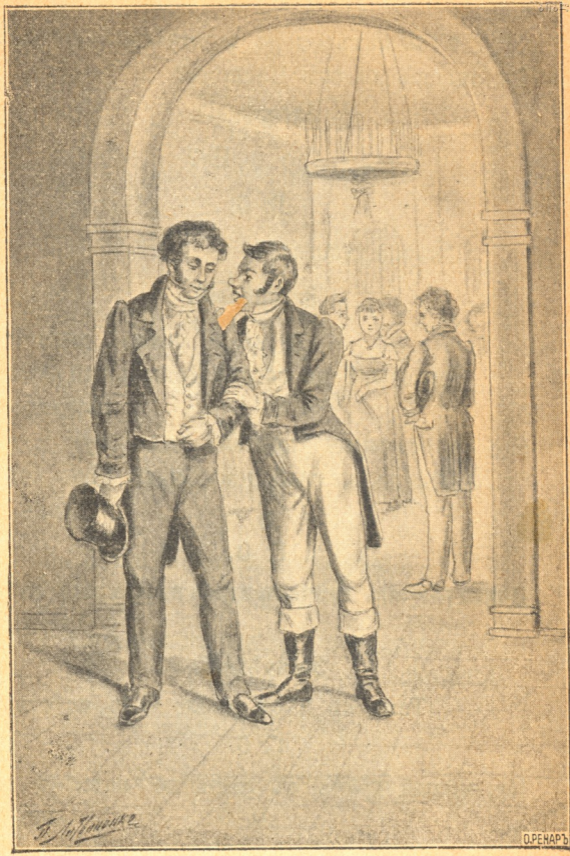
Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили.

Г. Д.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно га-
зеть,

Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу. Однако, чуръ, секретъ!

И. И. Шенарь

ШЕНАРЬ

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Загорѣцкій, потомъ графиня внучка.

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ?.. Известная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ зна-
комъ.

Вы слышали объ немъ?

Графиня внучка.

Объ комъ?

Загорѣцкій.

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь въ комна-
тѣ былъ.

Графиня внучка.

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

Графиня внучка.

Что?

Загорѣцкій.

Да онъ сошелъ съ ума!

Графиня внучка.

Представьте! Я замѣтила сама!
 И хоть пари держать,—со мной въ одно вы
 СЛОВО.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и графиня бабушка.

Графиня внучка.

Ah! grand'maman! вотъ чудеса! вотъ
 ново!
 Вы не слышали здѣшнихъ бѣдъ?
 Послушайте, вотъ прелести, вотъ
 мило!..

Графиня бабушка (шепелявить).

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
 Скажи погромче...

Графиня внучка.

Время нѣтъ!

(Указываетъ на Загорѣцкаго).

Il vous dira toute l'histoire...

Пойду, спрошу. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ХІХ.

Загорѣцкій и графиня бабушка.

Графиня бабушка.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь по-
жара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Графиня бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.

Графиня бабушка.

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ басурманы?

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь. (Уходитъ).

Графиня бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!..

И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхъ, въ по-
пыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Графиня бабушка и князь Тугоуховскій.

Графиня бабушка.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ
самъ чуть дышетъ!

Князь слышали?

Князь.

А-хмъ?

Графиня бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ
быль?

Князь.

Э? хмъ

Графиня бабушка.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схва-
тилъ?

Князь.

И? хмъ?

Графиня бабушка.

Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты! Шутка ли,—перемѣнилъ законы!

Князь.

У-хмъ?

Графиня бабушка.

Да!.. въ басурманахъ онъ!

Ахъ, окаянный волтерьянецъ!

Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой
рожокъ.

Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитриевна, графиня внучка, княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлестова.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!

Да невзначай! да какъ проворно!

Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитриевна.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поне
 волѣ;

А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ (входя).

О чемъ, о Чацкомъ, что ли?
 Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
 Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
 Попробуй о властяхъ, и не-вѣсть что на ска-
 жеть!

Чуть низко поклонись, согнись-ка кто коль-
 цомъ,

Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,
 Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
 Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтоваль въ Москвѣ служить въ архи-
 вахъ.

Графиня внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитриевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ.

Загорѣцкій.

Безумный по всему.

Графиня внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
 Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
 Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
 Чай, пиль не по лѣтамъ?

Княгиня.

О, вѣрно...

Графиня внучка.

Безъ сомнѣнья.

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ.

Горе отъ ума.

6.

Наталья Дмитриевна.

Бутилками-съ—и пребольшими.

Загорѣцкій (съ жаромъ).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

Фамусовъ.

Ну, вотъ! великая бѣда,

Что выпьетъ лишнее мужчина!

Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,

Что нынче пуще чѣмъ когда

Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ
однихъ.

Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь
ихъ?

Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ

Пе-да-го-гическій—такъ, кажется, зовутъ?..

Тамъ упражняются въ расколахъ и въ без-
вѣрьи

Профессора! у нихъ учился нашъ родня

И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку, въ под-
 мастерьи!

Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!

Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ
ботаникъ—

Князь Федоръ, мой племянникъ.

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,

Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ
гимназій:

Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ,
 два!

А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли зло пре-
сѣчь,—

Забрать всѣ книги бы да сжечь.

Загорѣцкій (съ кротостью).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если-бъ,
 между нами,

Былъ цензоромъ назначенъ я,

На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!
 Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!

Кто что ни говори,

Хоть и животные, а все-таки цари.

Хлестова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроень,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ

питья-ль,

А Чацкаго мнѣ жаль.

По-христіански, такъ, онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни
три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь.

Фамусовъ.

Четыреста.

Хлестова.

Нѣтъ, триста!

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ...

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не
знать!

Фамусовъ.

Четыреста, прошу понять.

Хлестова.

Нѣтъ! триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же всѣ и Чацкій.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ онъ!

Графиня внучка.

Шшъ!

Всѣ.

Шшъ! (Пятятся отъ него въ
противную сторону).

Хлестова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драку онъ, потребуеть къ раздѣлкѣ

Фамусовъ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!

(Опасливо).

Любезнѣйшій, ты не рѣ своей та-
релѣй!

Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты не-
 здоровъ.

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ! Милѣонъ терзаній

Груди отъ дружескихъ тисловъ,

Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицан-
 ній,

А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.

(Подходитъ къ Софѣ).

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата

И въ многолюдствѣ я потерялъ, самъ не свой.

Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!

Хлестова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него! (Дѣластъ знакъ Софѣ).

Гмъ, Софья!-- Не глядишь!

Софья (Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвить?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,

И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и сле-
зами;

Пріѣхалъ, и нашель, что ласкамъ нѣтъ конца,
Ни звука русскаго, ни русскаго лица

Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ
друзьями, —

Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царь-
комъ.

Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, но мы не рады.

Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ

Тоска, и оханье, и стонъ:

«Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше
края!» —

Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натвержень.

Куда дѣваться отъ княжень!
 Я одалъ возсылалъ желанья
 Смиренныя, однако вслухъ,
 Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
 Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
 Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь
 съ душой,
 Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
 Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей.
 Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
 Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
 Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ.
 на новый ладъ,
 И нравы, и языкъ, и старину святую.
 И величавую одежду на другую
 По шутовскому образцу:
 Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
 Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
 Движенья связаны и не краса лицу.
 Смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки!..
 Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
 Ахъ, если рождены мы все перенимать,
 Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
 Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
 Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
 Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ,

«Какъ европейское поставить въ параллель

«Съ національнымъ—странно что-то!

«Ну, какъ перевести мадамъ, мадмуазель?

«Ужли—сударыня?»—забормоталъ мнѣ

кто-то..

Вообразите, тутъ у всѣхъ

На мой же счетъ поднялся смѣхъ.

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!»

Я, разсердясь и жизнь кляня,

Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,

Но всѣ оставили меня.

Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не
 новый.

Москва и Петербургъ во всей Россіи то,

Что человѣкъ изъ города Бордо:

Лишь ротъ открылъ, имѣеть счастье

Во всѣхъ княженъ вселять участие.

И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ.

Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ
 кудрявыхъ,

Въ чьей, по несчастью, головѣ

Пять-шесть найдется мыслей здра-

выхъ,

И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—

Глядь...

(Оглядывается; всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкають многія побочныя изъ антресолей; внизу, справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на одномъ же планѣ, комната Молчалина. Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи—иные суетятся, иные спять въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей.

Графини Хрюминой карета!

Графиня внучка (цокуда ее окутываютъ).

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей называть!

Какіе-то уроды съ того свѣта,

И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ тан-
цовать.

Графиня бабушка.

Поѣдемъ матушка! мнѣ право не подь силу
Когда нибудь я съ бала да въ могилу.
(Обѣ уѣзжаютъ)

ЯВЛЕНІЕ II.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна.

Одинъ лакей около нихъ хлопочеть, другой у подъѣзда
кричить:

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душечка, что смотришь такъ
уныло?
(Плечетъ мужа въ лобъ).

Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

Платонъ Михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь—твой работникъ;
Дежурю за полночь; подчасъ,

Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно.
 Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

Наталья Дмитриевна.

Ты притворяешься, и очень неискусно;
 Охота смертная прослыть за старика!
 (Уходитъ съ лакеемъ).

Платонъ Михайловичъ (хладнокровно).
 но).

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька;
 И кто жениться насъ неволить?
 Вѣдь сказано-жъ, иному на роду...

Лакей (съ крыльца).

Въ каретѣ барыня-съ и гнѣваться изволить,

Платонъ Михайловичъ (съ вздохомъ).

Иду, иду!
 (Уѣзжаютъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій и **лакей** его впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали.
 (Лакей уходитъ).

Ну, вот и день прошелъ, и съ нимъ
 Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
 Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...

Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
 Гдѣ прелесть эта встрѣчь? участие въ комъ
 живое?

Крикъ! радость! обнялись!.. Пустое!..
 Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
 Необозримою равниной, сидя праздно,
 Все что-то видно впереди:
 Свѣтло, сине, разнообразно...

И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
 Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни
 взглянешь,
 Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
 Досадно! мочи нѣтъ! чѣмъ больше думать
 станешь...

(Лакей возвращается).

Готово?

Лакей.

Кучера-съ ипсдѣ, вишь, не найдуть.

Чацкій.

Пошелъ, ищи. Не ночевать же тутъ.

(Лакей опять уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацній, Репетіловъ вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется

Репетіловъ.

Тьфу, оплошалъ!... Ахъ, мой Создатель!

Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?..
Сердечный другъ! любезный другъ! mon
cher!

Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты.

Сейчасъ... растолковать прошу,—

Какъ будто зналъ, сюда спѣшу—

Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою,

И растянулся во весь ростъ.

Пожалуй, смѣйся надо мною,

Что Репетіловъ вретъ, что Репетіловъ простъ,

А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,

Любовь какая-то и страсть.

Готовъ я душу прозакласть,

Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга

Такого вѣрнаго, ей-ей;

Пускай лишусь жены, дѣтей,

Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
 Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
 Да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ.

Не любишь ты меня—естественное дѣло:
 Съ другими я и такъ и сякъ,
 Съ тобою говорю несмѣло;
 Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Ругай меня; я самъ клянусь свое рожденье,
 Когда подумаю, какъ время убивальъ.
 Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться.
 Коли явился ты на балъ,
 Такъ можешь воротиться.

Репетилловъ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла
 дня,
 Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ
 ига!

Читалъ ли ты?.. есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня.
 Ты Репетилловъ ли?

Репетилловъ.

Зови меня вандаломъ...

Я это имя заслужилъ:

Людьми пустыми дорожилъ,
 Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ [или ба-
 ломъ!

Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!
 Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взять указомъ!
 Танцовщицу держалъ, и не одну—
 Трехъ разомъ!

Цилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
 Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври, да знай же мѣру.
 Есть отъ чего въ отчаянье придти.

Репетировъ.

Поздравъ меня: теперь съ людьми я
 знаюсь
 Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролетъ.

Чацкій.

Вотъ нынче, напимѣръ?

Репетировъ.

Что, ночь одна не въ счетъ!
 Зато спроси, гдѣ былъ.

Чацкій.

И самъ я догадаюсь
 Чай, въ клубѣ?

Репетировъ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ исповѣдь на-
 чать,—

Изъ шумнаго я засѣданья...

Пожалуйста молчи—я слово далъ молчать...

Унасъ есть общество, и тайныя собранья

По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!

Какъ? въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и, васъ и ваши
тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ—никто не разберетъ,
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяж-
ныхъ,

О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подь силу, братъ; я чувствую, что
глушь.

Ахъ, Alexandre! У насъ тебя не доставало.
Послушай миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на ходу.

Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи.

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?

Зачѣмъ? Въ глухую ночь?.. Домой!—я спать
хочу.

Репетиловъ

Э, брось! кто нынче спить? Ну, полно, безъ
прелюдій.

Рѣшись, а мы!.. у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!

Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ!..

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы—и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,

Но государственное дѣло.

Оно, вотъ видишь, не созрѣло,—

Нельзя же вдругъ.

Что за люди, топ cher! безъ дальнихъ я
исторій

Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій

Чудакъ единственный! насъ со смѣху морить!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка

И такъ же онъ сквозь зубы говорить,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.

Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.

Ты не слыхалъ, какъ онъ поеть? О, диво.
Послушай, милый, особливо

Есть у него любимое одно:

«А нонъ ла-шьяръ ми, но-но-но!»

Еще у насъ два брата:

Левонъ и Боринька—чудесные ребята!

Объ нихъ не знаешь что сказать.

Но если генія прикажете назвать,—

Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!

Ты сочиненія его

Читалъ ли чтонибудь? хоть мелочь!

Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!

Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,

И приговаривать: писать, писать, писать!

Въ журналахъ можешь ты однако отыскать

Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣчто.

Объ чемъ бишь Нѣчто?—обо всемъ,

Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ.

Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,

Не надо называть, узнаешь по портрету:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеу-
томъ,

И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плу-
томъ!

Когда-жъ объ честности высоко говорить,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горить,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.

Вотъ люди, есть ли имъ подобные? Наврядъ.
Ну между ними я конечно заурядъ,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ,—подумать ужасъ.
Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,

И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу!
Другіе у меня мысль эту же подцѣпять,
И въ-шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпять;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...

Братъ, смѣйся, а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Даль сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ
милъ.

Совру—простятъ...

Лакей (у под'їзда).

Карета Скалозуба!

Репетилловъ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тъ же и Скалозубъ спускается съ лѣстницы.

Репетилловъ (къ нему навстрѣчу).

А! Скалозубъ, душа моя!

Постой, куда же? сдѣлай дружбу!

(Душить его въ объятіяхъ).

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?

(Входитъ въ швейцарскую).

Репетилловъ (Скалозубу).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ;

Оказали, что ты въ полкъ отправился на службу.

Знакомы вы (Ищетъ глазами Чацкаго). Упрямецъ
ускакалы!

Нѣтъ нужды. Я тебя нечаянно сыскалъ,

И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отгово-
рокъ;

У князь-Григорія теперь народу тьма;
 Увидишь человекъ тамъ сорокъ.
 Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
 Всю ночь толкуютъ — не наскучать;
 Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
 А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научать,
 Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
 Скликай другихъ; а если хочешь,
 Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните, такъ мигомъ успокоитъ.

Репетилловъ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
 И я въ чины бы лѣзь, да неудачи встрѣтилъ.
 Какъ можетъ быть никто и никогда.
 По статской я служилъ. Тогда
 Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣ-
 тилъ,
 А я
 Къ нему зятя
 Шель напрямикъ, безъ дальней думы;

Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси,

Ему и ей такія суммы

Спустилъ, что Боже упаси!

Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ по-
строилъ,

Съ колоннами, огромный. Сколько
стоилъ!..

Женился наконецъ на дочери его,

Приданого взялъ—шишь, по службѣ—ничего.

Тесть нѣмецъ, а что проку?

Боялся, видишь, онъ упреку

За слабость будто бы къ роднѣ!

Боялся, прахъ его возьми, да легче-ль мнѣ?

Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,

Людишки, пишущая тварь,

Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче
важны:

Гляди-ка въ адресъ-календарь...

Тьфу! служба и чины, кресты—души мытар-
ства.

Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,

Что радикальныя потребны тутъ лекарства,

Желудокъ больше не варить... (Останав-
навливается, увидя, что Загорѣцкій
заступилъ мѣсто Скалозуба, кото-
рый покуда вѣхалъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Репетиловъ, Загорѣцкій.
 Загорѣцкій.

Извольте продолжать; вамъ искренно признаюсь.

Такой же я, какъ вы, ужасный либераль!
 И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
 Куда какъ много потерялъ!..

Репетиловъ (съ досадою).

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
 Чуть изъ виду одинъ—гляди, ужъ нѣтъ друга.
 Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
 Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,
 И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
 Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
 Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же
 вкусъ.

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
въ умѣ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

Репетиловъ.

Дичь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Репетилловъ, Загорѣцкій, князь и княгиня съ шестью дочерьми, немного погодя Хлестова спускается съ парадной лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакей въ суетахъ

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйста, скажите ваше мнѣнье, Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 Княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3 Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!..

4 Княжна.

Ахъ, вѣсти старыя. Кому же онѣ новы?

5 Княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣрять...

6 Княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ

Мсьё Репетилловъ! вы? — Мсьё Репегилловъ!
что вы?—

Да какъ вы? — Можно-ль противъ
всѣхъ!—

Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

Репетилловъ (затыкаетъ себѣ уши).

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора.

Послушать, такъ его мизинецъ

Умнѣ всѣхъ и даже князь-Петра!

Я думаю, онъ просто якобинецъ,

Вашъ Чацкій... Ёдемте. Князь, ты везти бы
могъ

Катишь или Зизи: мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова (съ лѣстницы).

Княгиня, карточный должокъ.

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ (другъ къ другу).

Прощайте!

(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже)

ЯВЛЕНІЕ VІІІ.

Репетилловъ, Хлестова, Молчалинъ.

Репетилловъ.

Царь небесный!

Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ!

Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!

Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлестова.

Такъ Богъ ему судиль, а впрочемъ

Полечать—вылечать авось!

А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось.

Изволилъ во-время явиться!

Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой;

Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой.

(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату).

Прощайте, батюшка; пора перебѣситься.

(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Репетилловъ (съ своимъ лакеемъ).

Репетилловъ.

Куда теперь направить путь?
 А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
 Поди, сажай меня въ карету,
 Вези куда нибудь!
 (Уѣзжаетъ. Последняя лампа гаснетъ).

ЯВЛЕНІЕ Х.

Чацкій (выходитъ изъ швей-
 царской).

Что это? слышалъ я моими ли ушами?!
 Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,
 Черезъ какое колдовство
 Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
 И для иныхъ какъ словно торжество,
 Другіе будто страдаютъ...
 О! если-бъ кто въ людей проникъ,
 Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
 Чье это сочиненье?
 Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
 Старухи вмигъ тревогу бьютъ—
 И вотъ общественное мнѣнье!

И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній при-
 ѣздъ,

Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.

А Софья знаетъ ли?—Конечно, рассказали.

Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ

Потѣшилась, и правда, или нѣтъ—

Ей все равно; другой ли, я ли—

Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожить.

Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?

Нервъ избалованность, причуда?

Возбудить малость ихъ, и малость утишить...

Я признакомъ почелъ живыхъ страстей... Ни
 крошки!

Она конечно бы лишилась такъ же силъ,

Когда бы ктонибудь ступилъ

На хвостъ собачки или кошки.

Софья (надъ лѣстницей во вто-
 ромъ этажѣ, со свѣчкою).

Молчалинъ, вы? (Поспѣшно опять дверь при-
 пираетъ).

Чацкій.

Она! она сама!

Ахъ, голова горитъ, вся кровь моя въ вол-
 неньи.

Явилась! Нѣтъ ея! неужели въ видѣньи?

Не впрямь ли я сошелъ съ ума?
 Къ необычайности я точно приготовленъ;
 Но не видѣнье тутъ—свиданья часъ условленъ,
 Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
 Звала Молчалина—вотъ комната его.

Лакей (съ крыльца).

Каре...

Чацкій.

Ссъ! (выталкиваетъ его вонъ).

Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
 Хоть до утра. Ужъ коли горе шить,

Такъ лучше сразу,

Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыты!
 Дверь отворяется!.. (Прячется за колонну).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Чацкій спрятанъ; **Лиза** со свѣчкой.

Лиза.

Ахъ, мочи нѣтъ! робѣю!
 Въ пустыя сѣни, въ ночь! боишься домовыхъ,
 Боишься и людей живыхъ.

Мучительница барышня, Богъ съ нею!
 И Чацкій какъ бѣльмо въ глазу;

Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу.
 (Осматривается).

Да, какъ же! по снѣжамъ бродить ему охота!

Онъ, чай, давно ужъ за ворота,

Любовь на завтра поберегъ,

Домой—и спать залегъ.

Однако велѣно къ сердечному толкнуться.

(Стучится къ Молчалину).

Послушайте-съ! извольте-ка проснуться:

Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зо-
 ветъ!..

Да поскорѣй, чтобъ не застали.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чацкій за колонною, **Лиза**, **Молчалинъ** потягивает-
 ся и зѣваетъ, **Софья** крадется сверху.

Лиза.

Вы, сударь, камень! сударь, ледъ!

Молчалинъ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ.

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,
 Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ
 жилкахъ
 Любви еще румянецъ не игралъ!
 Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣсть,
 Не нѣжится и не зѣвать бы:
 Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ
 И не доспить до свадьбы.

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди!

Надежды много впереди,—
 Безъ свадьбы время проволочимъ.

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого-жъ
 Себѣ въ мужья другого прочимъ?

Молчалинъ.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ дрожь,
 И при одной я мысли трушу,
 Что Павелъ Аванасьичъ разъ
 Когда нибудь поймаетъ насъ,
 Разгонить, проклянетъ!.. Да что?. открыть ли
 душу?

Я въ Софьѣ Паловнѣ не вижу ничего
 Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато.
 Любила Чацкаго когда-то,
 Меня разлюбить какъ его.

Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половину
 Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ
 тебѣ;

Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
 Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь — и
 простыну.

Софья (въ сторону).

Какія вѣзости!

Чацкій (за колонною).

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщаль отецъ:

Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ
изъятья—

Хозяину, гдѣ доведется жить,

Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,

Слугѣ его, который чиститъ платье,

Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,

Собакаѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ любовника я принимаю видѣ

Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормить и поить,

А иногда и чиномъ наградить?

Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей

крали.

Дай, обниму тебя отъ сердца полноты.

(Лиза не дается)

Зачѣмъ она не ты?

(Хочеть идти, Софья не пускаеть).

Софья (почти шопотомъ; вся сцена вполголоса).

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...

Ужасный человекъ? Себя я, стѣнь стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ!.. Софья Павловна!

Софья.

Ни слова, ради Бога!

Молчите,—я на все рѣшусь!

Молчалинъ (бросается на колѣна, Софья отталкиваетъ).

Ахъ, вспомните!.. не гнѣвайтесь, взгляните!..

Софья.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!

Воспоминанія!.. какъ острый ножъ онѣ...

Молчалинъ (ползаетъ у ногъ ея).

Помилуйте...

Софья.

Не подличайте, встаньте!
 Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:
 Солжете..

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость!

Софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Молчалинъ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего окромѣ...

Софья.

Отстаньте, говорю; сейчасъ,
 Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
 И погублю себя и васъ!

(Молчалинъ встаетъ).

Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.

Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
 Не смѣйте ожидать—не стоите вы ихъ;
 Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
 Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

Софья.

Иначе расскажу
 Всю правду батюшкѣ съ досады.
 Вы знаете, что я собой не дорожу.

Подите... Стойте!.. будьте рады,
 Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
 Держались болѣе вы робости во нравѣ,
 Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.
 Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
 Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала:
 Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ.
 Какъ давеча, когда я въ обморокъ упала,—
 Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій (бросается между ними).

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и Софья.

Ахъ! Ахъ!..

(Лиза свѣчку роняетъ съ испугу;
 Молчалинъ скрывается къ себѣ
 въ комнату).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ Молчалина.
Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ!—теперь оно въ порядкѣ:

Важнѣе давишной причина есть тому.

Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ

Вотъ я пожертвованъ кому!

Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!

Глядѣлъ и видѣлъ — и не вѣрилъ!

А милый, для кого забыть

И прежній другъ, и женскій страхъ и
стыдъ,

За двери прячется, боится быть въ отвѣтъ.

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?

Людей съ душой гонительница, бичъ! —

Молчалины блаженствуютъ на свѣтъ!

Софья (вся въ слезахъ).

Не продолжайте; я виню себя кругомъ...

Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ
коваренъ!

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда бѣжить
весь домъ!

Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодаренъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ, толпа слугъ
со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!

Свѣчей побольше, фонарей!

Гдѣ домовые? Ба! знакомыя всѣ лица!

Дочь!.. Софья Павловна!.. Срамница!

Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни
взять она,

Какъ мать ея, покойница жена.

Бывало, я съ дражайшей половиной

Чуть врознь—ужь гдѣ нибудь съ муж-
чиной!

Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ тебя прель-
стилъ?

Сама его безумнымъ называла!

Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!

Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ

Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ нака-
занъ?..

Чацкій (Софья).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти! не дамся я въ обманъ!

Хоть подеритесь—не повѣрю.

Ты, Филька! ты прямой чурбанъ!

Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
 Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!..

Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?

Сѣней не заперъ для чего?

И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослы-
 шалъ?

Въ работу васъ! на поселенье васъ!

За грошъ меня продать готовы!

Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!
 Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы
 Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!

Постой же, я тебя исправлю:

Изволь-ка въ избу, маршь, за птицами хо-
 дить!

Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:

Еще два дня терпѣнія возьми,—

Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ
 людьми;

Подалѣе отъ этихъ хватовъ,

Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ

Саратовъ!

Тамъ будешь горе горевать,

За пальцами сидѣть, за святцами зѣвать.

А васъ, сударь, прошу я толкомъ,

Гуда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
 И ваша такова послѣдняя черта,
 Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
 Я постараюсь, въ набатъ я приударю,
 По городу всему надѣлаю хлопоть,
 И оглашу во весь народъ;
 Въ сенатъ подамъ, министрамъ, госу-
 дарю...

Чацкій (послѣ нѣкотораго
 молчанія).

Не образумлюсь... Виновать!
 И слушаю—не понимаю!
 Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотять...
 Растерянь мыслями... чего-то ожидаю...
 (Съ жаромъ).
 Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ
 трудоу?
 Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье,
 думалъ, близко!
 Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ
 низко
 Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
 А вы! о, Боже мой! кого себѣ избрали?
 Когда подумаю, кого вы предпочли?
 Зачѣмъ меня надеждой завлекли?

Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
 Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
 Что память даже вамъ постыла
 Тѣхъ чувствъ, въ обоихъ насъ движеній
 сердца тѣхъ,

Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
 Ни развлеченія, ни перемѣна мѣсть!
 Дышалъ, и ими жилъ, былъ занятъ непре-
 рывно!

Сказали бы, что вамъ внезапный мой приѣздъ,
 Мой видъ, мои слова, поступки— все противно:
 Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,
 И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
 Не сталъ бы очень добиваться,
 Кто этотъ вамъ любезный человекъ...
 (Насмѣшливо).

Вы помиритесь съ нимъ по размышленыи
 зрѣломъ:

Себя крушить, и для чего?

Подумайте, всегда вы можете его

Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ
 пажей—

Высокій идеаль московскихъ всѣхъ мужей.

Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ раз-
 рывомъ.

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чи-
намъ,

Желаю вамъ дремать въ невѣдѣнны счастли-
вомъ.

Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.

Другой найдется благодѣтельный,

Низкопоклонникъ и дѣлецъ,

Достоинствами, наконецъ,

Онъ будущему тестю равный.

Такъ! отрезвился я сполна,

Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!

Теперь не худо-бъ было сряду

На дочь и на отца

И на любовника глупца,

И на весь міръ излить всю желчь и всю
досаду.

Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?

Всѣ гонять! всѣ клянуть! мучителей толпа,

Въ любви предателей, въ враждѣ неутоми-
мыхъ,

Разскащиковъ неукротимыхъ,

Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ просяковъ,

Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,

Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..

Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хо-
ромъ—

Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробить успеетъ.
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
 Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздохъ.
 Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
 Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
 Карету мнѣ, карету!

(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, **кромѣ Чацкаго.**

Фамусовъ (долгое время стоять
въ остолбенѣніи).

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума со-
шелъ?

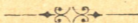
Скажи серьезно!

Безумный! что онъ тутъ за чепуху молоть.
Низкопоклонникъ! тестъ! и про Москву такъ
грозно!

А ты меня рѣшилась уморить!

Моя судьба еще ли не плачевна!

Ахъ, Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

T 1.352
2

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

